

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов
БЛИЗНЕЦЫ

ВОСТОЧНОЕ НАСЛЕДСТВО

Близнецы

Андрей Анисимов

Восточное наследство

«Автор»

2005

Анисимов А. Ю.

Восточное наследство / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2005 — (Близнецы)

Молоденькая женщина – убийца? Да. Потому что убийство – единственный способ, которым она может восстановить справедливость. Потому что убийство – единственная возможность занять свое место в семье, из которой ее когда то похитили. Казалось бы, все сделано идеально, и преступнице нечего бояться. Однако в игру неожиданно вступает многоопытный, умный, циничный следователь Ерожин – человек, обладающий истинным даром раскрывать загадочные преступления.

© Анисимов А. Ю., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Анисимов

Восточное наследство

Часть первая

Котенок из чужого помета

1

Вахид возвращался поздно. В чайхане возле Арсланбоба всем отделением обмывали звездочку капитана Козлова. Чайханщик Мирза сделал хороший плов. Водки и пива взяли навалом. Правда, ящик с лимонадом опустили студить в реку, а он уплыл. Это вызвало гомерический хохот и настроение компании не испортило. Вахид возвращался домой мрачный совсем по другой причине. Тост Хакимова задел его за живое. От лейтенанта Хакимова, признанного острослова, всем доставалось, но тема Фатимы для Вахида торчала занозой в сердце.

Ночной микрорайон затих. «Жигуленок» осторожно свернул между пятиэтажками. Законное место под окнами Вахида заняла светлая «Волга». Машина с ташкентскими номерами привозила из столицы соседского брата. Тот служил в министерстве и навещался не часто. Гостю выговор не сделаешь. Вахид выругался и поставил машину у соседнего подъезда.

В квартире спали. Вахид снял рубашку и форменные брюки, аккуратно повесил на вешалку стенового шкафа в прихожей. В этот же шкаф, внизу между курпачами затолкал кобуру с пистолетом и босиком отправился на кухню. В буфете отыскал заварной чайник, из носика выдул всю заварку, тихо открыл дверь в комнату Фатимы, зажег маленькую лампочку и подошел к кровати. Трехлетняя Фатима спала почти голая. Рубашка задралась к подбородку, рыжие волосы рассыпались по подушке. Вахид глядел на девочку, и его шоколадные зрачки темнели. Вместо отцовского умиления внутри поднималась злобная черная сила. Первые сомнения посетили давно...

Месяца через два после рождения девочки Вахид заметил, как первый пух на голове ребенка превратился в рыжий огонек. Когда Фатиме исполнился год, папаше стало ясно: его дочь не узбечка. Окружающие заметили это еще раньше. Вахид прекрасно помнил намеки, шутки и недомолвки, хитрые взгляды соседских женщин, ухмылки мужчин. Вот и сегодня Хакимов предложил за него тост:

– Выпьем за необычайные способности нашего друга. Не сумел дожидаться от русской жены дитя узбека, зато от узбечки сумел получить русское дитя.

– Чужой помет! – прошипел Вахид. – Дрянь, шлюха, проститутка, русская подстилка! – Вахид выскочил в прихожую, в шкафу нащупал кобуру, расстегнул, достал табельный пистолет и метнулся в спальню.

Райхон спала на полу на малиновой курпаче так же, как и дочь, разметав ноги и руки.

Вахид никогда не видел картин Гогена. Скорее всего, даже не знал о его существовании. Иначе бы заметил удивительное сходство. Райхон, смуглая, с почти черными сосками, напоминала таитянок с холстов великого Поля. Но от наготы женщин Гогена веяло откровением, а от Райхон бесстыдством. Жена спала. Вахид дрожащей рукой навел пистолет на голову. Появилась жалость. Нет, жалость не к жене. Ему стало жалко испортить свою вещь. Пуля изуродует гладкий лоб со сросшимися синими бровями, смуглые щеки с пушком, как у персика... Вахид прицелился в сердце. Но как выстрелить в сердце, чтобы не попортить грудь?

Опустил пистолет ниже. Родив Фатиму, Райхон сохранила живот девушки. Пистолет задрожал. Вахид устался в заветное место. Узбекские женщины по обычаю там бреют волосы. Желание сразу заполнило весь мужской организм. Вахид отложил пистолет и бросился на жену. Райхон улыбнулась и, еще не проснувшись, помогла ему овладеть собой. Вахид не творил акт любви, а брал. Брал свое и навсегда. Желание мужчины соединилось с чувствами, что накопились в нем – ненависть, обида, ревность. Бешеные глаза Вахида остановились. Он смотрел на рот Райхон, на подрисованные губы, на блеск золотой коронки, на розовый язык... Когда почувствовал, что наступает последний момент, схватил край курпачи и закрыл им этот желанный и ненавистный рот. Женщина забилась, замычала. Но железные руки Вахида продолжали держать вату стеганого одеяла. Райхон дернулась и затихла. Вахид отвалился на спину и замер. Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута, две, а может, час.

Вахид женился второй раз. Первую жену он привез из России. Вахид три месяца проходил курсы повышения милицейской квалификации в городе Калинин, Там, в клубе, и познакомился с Шурой.

Женитьбу на русской родня приняла в штыки. При каждом удобном и неудобном случае то дядя Музраб, то тетушка Фарида заводили разговор:

– Разве мало вокруг узбечек? Шура, может быть, женщина не плохая, но обычаев не знает, к родне с уважением подойти не умеет, не обучена почитать мужчину, сидит за столом со всеми. Но главное – не мусульманка...

Когда первое чувство прошло, самого Вахида в поведении русской жены многое стало раздражать. Предлог для развода появился сам собой. Шура работала акушеркой в роддоме.

Каждый день принимала роды, а сама оставалась бесплодной. С Райхон Вахид сошелся случайно. Прежний сожитель молодой женщины, рабочий хлопкового завода Тахир на вечеринке в клубе приревновал Райхон. Завязалась драка. Вахид приехал по вызову с дежурной группой. Тахир оказал сопротивление милиции, укусил младшего лейтенанта Мирзоева за руку. Получил два года, а Вахид, проводив Райхон, остался у нее. Пару месяцев он совмещал Шуру и новую подругу. Райхон умела убаюкать мужчину. Она знала мелочи восточного этикета, а к любовным утехам была готова в любое время дня и ночи.

В маленьком городе их связь быстро стала всеобщим достоянием. Шура принялась устраивать мужу шумные скандалы. Однажды она вломилась к Райхон и вцепилась ей в волосы.

Обосновав уход бесплодием Шуры, Вахид с русской женой развелся. Члену партии развод мог подпортить карьеру, но в данном случае предлог был безупречный.

Вахид, лежа на курпаче, по привычке потянулся за сигаретой, но наткнулся на руку Райхон. Остывающее тело жены испугало его.

Вахид сел и увидел Фатиму. Девочка стояла в дверях и смотрела на него немигающими зелеными глазами.

– Почему не спишь?! – зашипел Вахид.

Он вскочил, взял девочку на руки и отнес в кровать. – Сейчас же спи. Еще ночь!

– Ты убил маму? – спросила Фатима.

– Ты сошла с ума! Мама спит, и ты спи. Ты еще маленькая, ничего не понимаешь...

Фатима закрыла глаза. Вахид потушил свет и на цыпочках вышел. Он растерялся. Задумав жену, Вахид совершил суд и не испытывал угрызений совести. Теперь предстояло сделать скучную, но необходимую работу, связанную с убийством, – унести и закопать тело, продумать линию поведения. Чтобы замести следы, криминального опыта у него вполне достаточно. Но как быть с девочкой?! Ребенок может лопотать что угодно... Если Фатима везде начнет рассказывать, что папа убил маму? Разом избавиться и от нее? Зачем держать котенка из чужого помета? Да и как ее одному растить?

Версия складывается легко. Надо пустить слух – Райхон сбежала с другим мужчиной.

Сбежала и захватила дочку. Характер Райхон известен, никто не удивится. Вахида пожалеют, на том все и кончится.

На кухне над плитой висел нож. Этим ножом в семье разделявали баранину для плова. Вахид вынул нож из ножен, повертел в руках.

Темная сталь серебрилась к заточке. Вахид вспомнил пристальный взгляд зеленых глаз дочки. Внутри похолодело. Спина покрылась испариной. Руки задрожали. Что-то в душе лопнуло и зазвенело, как стон зурны. Вахид вложил нож в ножны и повесил на место. Потом бессмысленно оглядел кухню. В чугунном казане остатки плова. Райхон готовила его вчера. А теперь жена холодеет. Ее нет, есть только оболочка. Вахид оглядел потолок, почерневший от перегоревшего масла, баночки со специями на полке. Вспомнил, как Райхон утром говорила, что кончилась зира.

Без семян этого растения не приготовишь ни одного узбекского блюда. «Надо купить», – пронеслось в голове. Эта простая житейская мысль вернула к реальности. Нет, дочку он не убьет... Он не злодей. Райхон – другое дело.

Она заслужила. Но брать на себя грех за невинного ребенка... Пусть Аллах простит его за такие мысли. Ревность помутила разум. А с дочкой все уладится. Он будет с ней ласков и терпелив.

Вахид оделся. Завернул тело Райхон в курпачу, перевязал веревкой. Теперь главное не надеть глупостей... Выйти, завести и подогнать машину к дверям? Шум двигателя может разбудить соседей. Заметят, как он выносит труп. Разумнее тихо донести Райхон до машины, потом завести мотор. Хорошо, что он поставил «Жигули» не на своем месте... Взяв тело на плечи, Вахид вышел на улицу. Три фонаря возле дома не горели, за что Вахид еще вчера хотел намылить шею электрику Гришке. Русский Гришка вечно пьян. Свою работу выполняет редко. Несколько раз ребята из отделения подбирали пьяного Гришку на улице, отвозили в вытрезвитель. Гришка огрызался.

Другому бы давно отбили печенки. Гришку спасало знакомство с Вахидом... Проходя в темноте со своей страшной ношей, Вахид впервые подумал о Гришке с благодарностью. Сейчас темнота весьма кстати...

Кое-как запихнув Райхон в багажник, Вахид вырулил на улицу и остановился. Надо изловчиться выехать за город, минуя посты ГАИ и патрульные машины. Раньше у милиционера подобных проблем не возникало. Всегда спокойно, как и после сегодняшнего пикника, он, набравшись, садился за руль. Даже когда отказывали ноги, шоферский рефлекс не подводил. Пьяный Вахид умудрялся развезти друзей по домам. Случалось, останавливали. В маленьком городе все стражи порядка знакомы.

Корпоративная солидарность исполняется свято...

Вычислив маршрут, Вахид рванул с места.

Объехал хлопковый завод и между заборами заводского склада вырулил на Ферганское шоссе. Пост остался позади. Начинались хлопковые поля. За десятым километром, прямо через поле, есть маленькая проселочная дорожка к большому арыку. Туда в жару милиционеры любили в рабочее время ездить на пикники. Серьезные события, как вчера, требовали специальных мест, и такие места были.

Ферганская долина окружена горами. Недалеко Памир. Ледяные реки, тенистые ущелья.

Прохладный рай в жару... Но можно расслабиться и рядом с городом. Стражи порядка удирали от нудных рабочих буден на часик-другой. Пиво, шутки, купание. А работа идет... Одно из таких мест наметил Вахид для своего дела.

Маленькую дорожку ночью легко проглядеть. Вахид напрягал зрение. В голову лезли обрывки воспоминаний. Вахид старался поддержать в себе обиду на Райхон. От кого она родила Фатиму? От Ерожина? По времени не сходилось. Но сомнения о неверности жены зародились именно с той ночи. Шайтан попутал, не надо было напиваться до бесчувствия.

Петьку Ерожина он встретил в аэропорту и сам привез в дом. А мог отвезти в город, начальство забронировало Ерожину отдельный номер в гостинице «Фергана». Дружбу с Петькой Вахид завел в том самом Калинине, откуда привез жену Шурку. Они жили с Петькой в общежитии. Делили одну комнату. Сколько вместе было выпито, сколько девок попорчено... Не подсчитать... Вахид с Петькой завели специальное расписание. Один трахал девок днем, другой вечером. Однажды привели одну кралю на двоих. Она их так умотала, что три дня потом жили монахами – восстанавливали организм. Совместные подвиги сдружили парней покрепче, чем армия иных однополчан. И, вот Петька Ерожин едет к ним в командировку. Отпустить друга в гостиницу? Какой скотиной надо быть?

Вечером Райхон накрыла стол. Пили «Плиску». Болгарский коньяк только входил в местную моду. Вахид на этот напиток не успел определить свою норму. Петька пил как жеребец.

Райхон крутила индийскую музыку и устроила танцы. Вахид заметил похотливые взгляды жены в сторону товарища. Петька и впрямь был хорош: высокий, белобрысый, с накачанными мышцами. В его ухмылке, за счет плотно прижатых ушей, было что-то от добродушного хищника. В тот вечер Вахид упился. Он не помнил, как и когда уснул. Наутро завтракали вчерашней шурпой. За столом повисла неловкость. Одна Райхон была оживлена. Но в громкой болтовне жены, ее смехе без особой причины чувствовались неестественные ноты.

Петька смотрел в тарелку и старался не встречаться с Вахидом глазами... На другой день Ерожин, сославшись на дисциплину, перебрался в гостиницу.

Вахид резко затормозил. Задумавшись, он проскочил нужное место. Пришлось пятить машину. Вот и дорожка. Вахид остановился и пошел пешком к арыку. Он опасался, что там могут ночевать рыбаки. Вода журчала и накатывала водоворотами. Заквакала лягушка. Вахид прислушался. Впереди за камышами хлопнула крупная рыба. Вахид вернулся к машине. Выволок тело, взвалил на плечи и пошел в хлопок. Уборка начнется только через месяц.

Положив труп, Вахид сходил за лопатой.

Сухая глина давалась тяжело. Через полчаса Вахид присел отдохнуть. Если бы Фатима оказалась белобрысой и круглолицей, Вахид давно бы все понял. Но ярко-рыжая зеленоглазая девчонка на Петьку совсем не походила... И по месяцам не складывалось.

Вахиду не хотелось верить, что его русский друг так отплатил за гостеприимство... Было приятнее думать, что отцом Фатимы оказался другой русский.

На востоке посветлело. Рассвет обозначил контур гор. Надо было спешить. Вахид принялся за работу. Еще полчаса тяжелого труда и яма готова. Вахид опустил Райхон вместе с курпачой, засыпал глиной, лишний грунт раскидал по полю.

Вернувшись к машине, завел двигатель, доехал до берега, вымыл лопату и уложил в багажник.

Только после этого разделся и прыгнул в воду.

Когда Вахид вернулся домой, солнце еще не взошло. Он поставил машину на прежнее место, оглядел окна и балконы дома. В пятиэтажке спали.

Вахид прошел на кухню, разогрел плов и с аппетитом позавтракал. Разбудил дочку. Фатима спросила:

- Мама пошла на базар?
- Да, девочка, – ответил Вахид.
- Она купит мне кант?
- Обязательно купит...

Прозрачный сахар в больших разноцветных кристаллах любят все узбекские дети. Еще этот сахар очень любят осы. Возле лотков с шакаром всегда выются осы. Перед тем как отвезти дочку в детский сад, Вахид заехал на базар и купил кант.

Начальник отделения милиции Кадыров вызвал Вахида через две недели после исчезновения Райхон.

– Садись, Вахид... Хочешь чаю?

Кадыров налил немного в пиалу и протянул Вахиду. Начальник не спешил. Он налил чай в свою пиалу, отхлебнул, потом посмотрел на Вахида долгим взглядом и сказал неофициальным отеческим тоном:

– Послушай меня, сынок...

Кадыров – красивый седой узбек – дорабатывал последние полгода. Это был хитрый, дипломатичный человек, сумевший на своем посту за долгие годы службы почти не нажить врагов. Он собирался на пенсию с чистой совестью. Среди местного начальства Кадырова знали и уважали. Это вовсе не значит, что Кадыров всю жизнь добросовестно исполнял закон. Тогда он нажил бы себе врагов и сверху, и снизу. К Уголовному кодексу начальник отделения Кадыров относился философски. На Востоке есть свои неписанные нормы и законы. Вот их Кадыров исполнял неукоснительно...

– Послушай меня, сынок, – продолжал он. – Мне не хочется тебя обижать. Ты знаешь, как я любил твоего отца.

– Знаю, Манап-ака.

– Всем известен характер твоей Райхон.

Представь, она встретила другого мужчину?

Может, своего прежнего ухажера? Ты, когда женился на Райхон, знал, что она до тебя имела мужчин?

– Знал, Манап-ака.

– Я пока не дал хода твоему заявлению о ее пропаже. Подождем. Ну, найдут твою непутевую жену, кроме позора ты ничего не получишь...

– Хорошо, Манап-ака. Я и сам думал об этом. Что Райхон могла меня бросить, я допускаю. Но как она смогла оставить ребенка?!

Кадыров взял новый чистый чайник, насыпал туда три ложки зеленого китайского чая и залил кипятком. Затем наполнил пиалу и вылил ее обратно в чайник. Накрыв крышкой, а сверху пристроил полотенце:

– Вахид-джан, женщина, вкусившая греха, как вредная овца в стаде. Пастух отвернулся, и ее нет...

– С вами трудно не согласиться, Манап-ака.

– Как ты управляешься с дочкой?

– Тетушка Фарида помогает. Из садика забирает. Приходит готовить. С этим порядок, Манап-ака.

– Если найдешь себе другую женщину, будь поосмотрительнее. Ты уже не мальчик...

Вахид хотел попрощаться и встал. Разговор с Кадыровым прошел все стадии, связанные с понятиями о восточной вежливости. В это время зазвонил телефон. Начальник снял трубку.

Уйти, не попрощавшись, когда старший разговаривает, Вахид не мог. Вот если во время разговора Кадыров сам протянет руку, тогда дело другое. Вахиду очень хотелось поскорее уйти. Кадыров было протянул ему руку, но потом резко отдернул и указал на стул. Вахид сел и прислушался. Из междометий и мычания начальника он ничего не уловил. Кадыров положил трубку и долгим взглядом посмотрел на Вахида. Тот замер, все мышцы напряглись, внутри похолодело... Что могло случиться?

Мысль пульсировала быстро. Кто-то раскопал труп? Фатима в садике что-то наговорила... Его в доме видели в ту ночь?

Если бы Кадыров действительно наблюдал за своим сотрудником, то, как опытный служака, наверняка понял бы: с подчиненным творится неладное. Но Кадыров смотрел мимо.

– Вахид-джан, твоя первая жена встречалась с Райхон? Они знали друг друга?

Вахид собрался и, как мог, спокойно ответил:

– Один раз они таскали друг друга за волосы, еле разнял.

– Вот что... Сейчас поедem вместе. Ты пригодишься... По дороге все объясню. – Кадыров приказал подготовить машину, и они вышли из отделения.

Калиджон, племянник Кадырова, работал в милиции три месяца. После армии Кадыров взял его к себе водителем – пусть мальчик оглядится. За эти три месяца Калиджон превратил милицeйское транспортное средство в своеобразный ритуальный экипаж. Сиденья покрылись плюшевыми покрывалами, на окнах появились занавески с помпончиками, руль обрел бархатный чехол. А панель, кроме приборов, несла на себе золоченую корону и наклейки с портретами красавиц и красавцев из индийских фильмов.

Кадырову все это не очень нравилось, но пресекать рвение племянника, даже проявленное в столь декоративной форме, он не хотел.

Ехали молча. Кадыров о чем-то думал. Вахид боялся проявить заинтересованность. Он смотрел в окно сквозь плюшевые занавески и по маршруту мучительно пытался определить, куда они едут. «Волга» Кадырова миновала парк в старом городе, площадь имени Навои, свернула на улицу Ленина. На перекрестке пришлось задержаться. От арбы крестьянина отвязался баран. Шоферы, образовав затор, помогали ловить барана. Ишак, запряженный в арбу, нервно перебирал ногами и косил на машины. Баран орал...

Улица Ленина заканчивалась развилкой.

В одну сторону путь вел к Ферганскому шоссе, в другую – к микрорайону. Вахид напряженно ждал, куда свернет «Волга». Если к Ферганскому шоссе – нашли труп. Машина свернула к микрорайону. Вахид облегченно вздохнул.

– Вахид-джан– Кадыров приоткрыл окно. Потянуло душным, раскаленным ветерком. – Вахид-джан, звонил Мухитдинов, директор родильного дома... Твоя бывшая жена неделю не выходила на работу. Он послал к ней домой Зульфию. Зульфия Шуру не застала. Но самое странное, что соседи ее давно не видели.

Мухитдинов заволновался. – Шура – хорошая акушерка и, по словам врача, обязательный человек. Я решил вскрыть квартиру...

– А какое это отношение имеет к Райхон? – стараясь казаться безразличным, спросил Вахид.

– Вот и я думаю. Какое?.. – ответил Кадыров.

Вахид оставил Шуре однокомнатную квартиру. Когда он женился на Райхон, ему дали ведомственную двухкомнатную. Шура жила на самом краю микрорайона, в одном из первых домов новостройки, на первом этаже. У подъезда их уже ждали. Возле милицeйского «газика» в тени на корточках притулились следователь Вольнов, эксперт Иргашев и Рафик Качерян. Участковый Мамонжан привел понятых из соседней квартиры.

– Приступим, – сказал Кадыров, вытирая мокрый лоб платком. – Вскрывайте.

– Зачем вскрывать? – Пожилая узбечка, соседка Шуры, приведенная в качестве понятой, полезла в карман своих широченных юбок и извлекла ключ. – Шура мне запасной ключ всегда оставляла.

Маленькая однокомнатная квартира Шуры не выглядела жилой. Подметенные полы, сияющая раковина и ванная. Все прибрано и везде пусто. Ничего нет в платяном шкафу. Ни одного платья, ни одной пары обуви. Мысль об ограблении не вязалась с прибранностью и пустынно-стью квартиры. На первый взгляд было очевидно, что хозяйка навела порядок, взяла вещи и уехала.

Пока осматривали квартиру, подъехал главный врач роддома Мухитдинов.

– Извини, Манап Кадырович, опоздал...

У меня в больнице бедлам поднялся.

– Тяжелые роды? – поинтересовался Кадыров.

– Роды легкие, последствия тяжелые. Роженица из кишлака... Муж свою бабу и ребенка принимать отказался... Говорит, тебя чужой мужчина видел, больше ты мне не жена. А чужой мужчина –, это я.

– Темнота деревенская... – Кадыров снова вытер лоб. – Видишь, пусто. Никаких криминальных следов, похоже, просто уехала твоя Шура. Слава богу, ничего плохого не приключилось Я, признаюсь, забеспокоился, – облегченно вздохнул Кадыров.

Члены следственно-оперативной группы продолжали обследовать квартиру, переговариваясь на русском вперемешку с узбекским и армянским. Вахид ходил по квартире с тяжелым чувством. Почему Шура уехала, никому ничего не сказав? Почему начальник связывает Шуру и Райхон? Ответов Вахид не находил.

Хотя размышления Кадырова были вполне понятны. Исчезла Райхон, исчезла Шура В квартире было прохладнее, но дышалось тяжело, давно не проветривали. Кадыров вывел Вахида и Мухитдинова на улицу.

– Пусть мои батыры тут все досмотрят, а мы поедem к тебе в роддом, – Кадыров взял Мухитдинова под руку, – посидим, угостишь чаем, поболтаем...

У Мухитдинова при кабинете главного врача имелась комната отдыха. Мягкий диван, стол, холодильник. Туда главврач пригласил милиционеров. Белой тенью шмыгнула Зульфия. Оставила чайник, пиалы, вазочки с изюмом и фисташки. Мухитдинов открыл холодильник и достал коньяк, водку, нарзан. Кадыров пить отказался, а Вахид не удержался, налил себе в пиалу немного коньяку. Мухитдинов его поддержал. Потом пили чай и говорили вежливые пустяки. Наконец Кадыров приступил к главному:

– Мы тут все люди свои... Мне до пенсии полгода. Новых дел заводить не хочется, но работа есть работа – налицо странное совпадение. Исчезают жены нашего Вахид-джана.

Первая и вторая. Известно, что они друг друга знали и не слишком любили... Вахид-джан рассказал мне, как женщины выясняли отношения... Гипотеза напрашивается сама собой.

Шура сводит счеты с соперницей и убегает. Оба события происходят почти в одно время.

– Но это легко проверить, Манап-ака, – сказал Вахид.

– Пожалуй, Рахман Мухитдинович. У тебя журнал дежурств акушеров в порядке?

– Конечно, Манап Кадырович, порядок железный. Представь, что случится в мое отсутствие? С кого спросить?

– Прекрасно, попроси сюда журнал, проверим по числам Через минуту Зульфия принесла журнал и заменила чайник.

– Какие числа вас интересуют? – спросил Мухитдинов, листая журнал.

– Вахид, назови число, назови день, когда не вернулась Райхон.

– Девятого, во вторник, Манап-ака.

– Погляди девятое.

Оказалось, что девятого Шура как раз дежурила, мало того, она дежурила и десятого, подменяла Лиду Корякину. У Корякиной подруга справляла свадьбу, и она попросила Шуру ее заменить... Это рассказала сама Лида, которую Мухитдинов пригласил для разговора с Кадыровым.

Кадыров вздохнул с облегчением. Ему и вправду не хотелось затеваться с этим делом. Но, с другой стороны, что случись, опытный работник – и не отреагировал. Можно нажать неприятности, даже уйдя на пенсию. Для порядка он решил опросить всех работников роддома.

Лида ничего странного в поведении подруги не заметила. Шура ничего не говорила, не предупредила, что собирается уезжать. Зульфия с Шурой дружбы не водили, работали вместе, не ссорились, друг дружку подменяли. От Зульфии ничего интересного мужчины не слышали.

Вахида бегство первой жены устраивало. Он не знал, куда подевалась Шура. После развода они не общались. Виделись в последний раз, когда Шура оттаскала Райхон за волосы. Но неприятное чувство вины иногда посещало Вахида. Он сорвал Шуру с места. Увез из России.

Бросил. Если она уехала – даже лучше. Не будет жить укором в его сознании...

Последней пришла Марья Ивановна. Пожилая женщина исполняла в больнице множество обязанностей. Нянечка, уборщица, передачи роженицам по палатам разносила. Марья Ивановна никак не хотела садиться в присутствии начальников. После долгих уговоров неловко присела на краешек стула и, не зная, куда деть руки, теребила подол. Марья Ивановна жила в Узбекистане с войны, их детский дом эвакуировали в этот городок. Вышла замуж за узбека. Рязанская женщина прожила всю жизнь в центре Ферганской долины. Ее все любили за безотказность, за что ей и доставалось больше других. Она за всех отбывала хлопковую повинность на полях. От роддома полагалось посылать на хлопок трех человек, Марья Ивановна отработывала за всех. Работы не боялась, а перед начальством робела.

– Ты, Марья-апа, не стесняйся. Ты у нас как мать. Дети твои гордиться тобой могут.

Большую трудовую жизнь прожила, – говорил Кадыров, протягивая женщине чай. Марья Ивановна, чтобы не обидеть, неловко отхлебнула из пиалы. А Кадыров продолжал:

– Войди, апа, в наше положение. Пропала акушерка Шура. Ничего никому не сказала. Заявление об уходе не написала. Книжку трудовую не забрала... Исчез живой человек. Все волнуются.

Вот и спрашиваем. Вдруг кто нам поможет...

– Несколько лет странная она. С тех самых пор, как ты, Вахид, у нас вторую жену забрал с дитем. С тех пор Шура вся переменялась.

– Может быть, переживала развод? – Кадыров протянул женщине вазочку с изюмом.

– Нет. После развода она поплакала, побесновалась, но недолго. А вот со дня, когда Вахид свою вторую жену с дитем встретил, переменялась... Я это хорошо помню, потому что в те дни у нас жена офицера тройню родила.

Тут и с радио, и журналисты разные. Даже Ташкентское телевидение нас тогда показало...

– Да, суматоху большую устроили, – подтвердил Мухитдинов, – работать сильно мешали...

– Как же, помню. Твой роддом тогда на всю республику знаменитым стал. Даже фамилию офицера помню, Аксенов. – Кадыров с удовольствием продемонстрировал свою память. Что-то, а старческого склероза у него не намечается...

– Мы с этой семьей долго переписывались.

Открытки к Новому году, Первому мая и Седьмому ноября до сих пор приходят. – Мухитдинов открыл шкаф, выдвинул ящики, достал несколько открыток. – Вот они. Аксенова в Германию перевели, он туда и семью забрал.

Совсем недавно от него письмо было. По делам на неделю к нам собирается. И Марии Ивановне привет и поклон, пишет, гостинец ей немецкий приготовил.

– Я, когда узнала, даже расплакалась... Хорошие они люди, доброе помнят. Я к ним и домой потом ходила два месяца, учила, как с тройней обходиться. Лена, жена офицера, совсем еще молоденькая. В детях несмышленная, а тут тройня... – Марья Ивановна утерла рукавом глаза. – Я всем ходила рассказывала про письмо, про гостинец немецкий. Все за меня радовались, а Шура будто испугалась. Даже в лице переменялась... Тройню-то она принимала...

– Чего ж теперь пугаться? Все живы-здоровы? – удивился Кадыров.

– Я и сама не поняла. Нет, в последние дни за Шуркой ничего не упомяну. Как с тех пор странная стала, так и теперь. Больше молчит, глаза в пол... О своем думает. А раньше такая хохотушка была... Ну, если больше не нужна, пойду. Мне еще коридор надо вымыть...

Кадыров, довольный, что расследование провел и на этом можно поставить точку, налил в свой фужер коньяка. Мужчины выпили, пожелали себе доброго здоровья и разошлись.

Вахид в тот день больше на работу не пошел, а поехал за город, в знакомую чайхану, где в одиночестве сильно напился.

Манап Кадыров, начальник милиции, вернулся в свой кабинет, где его ждал горячий лагман, доставленный патрульной машиной из чайханы в старом городе. Кадыров кушал лагман и самодовольно улыбался. Начальник вспоминал рассказ пожилой уборщицы из роддома. Ему перемена в характере Шуры не казалась загадочной. Если ты бесплодна, а соперница дарит твоему бывшему мужу ребенка, есть чему огорчиться. Надо знать жизнь. Что-что, а жизнь Манап Кадырович Кадыров знал.

И от этой мысли лицо начальника осветила улыбка. Покончив с лагманом, Манап Кадырович вызвал племянника.

– Калиджон, готовь машину. Сегодня у секретаря райкома праздник – мальчику делают обрезание. Поедем искать подарок...

2

В вагоне давила духота. Особая тяжелая духота с запахом человеческого стада. Только в плацкарте надо пригибаться, когда идешь по вагону, чтобы не получить пяткой в нос от лежащего на полке пассажира. Только тут услышишь оркестр самых разнообразных звуков – гармошка, плач детей, восклицания карточных игроков, особый стаканный звон от дребезжания чайных ложек. Это все днем... А ночью – храп! Если существует понятие «художественный свист», надлежит для плацкарта ввести понятие «художественный храп». Нет поэта, способного описать его словами. Жаль, что Пушкин не дожил до плацкарта. Шура от дороги не страдала. В купейном вагоне она барствовала всего один раз. Тогда Вахид вез молодую жену. Он скупил целое купе, они остались вдвоем. Верхние полки занимали вещи, ведь Шура ехала к мужу навсегда. От того путешествия в памяти остался не дорожный сервис, а розовый туман. Она с Вахидом и маята вагона в такт их близости. В памяти от поездки сохранились его смуглые мускулистые руки на ее белой коже. Блеск каштановых глаз возле ее лица. Приятная боль в груди от его жадных прикосновений. Никогда больше Шура не испытывала такой райской истомы. Они вместе изобретали новые слова и буквы в букваре эротической азбуки.

Сейчас Шуру окружала привычная обстановка. Она сидела у окна, уставившись в одну точку. Прислушивалась к себе и ждала... Ждала, что с отъездом, скорее – бегством из ненавистного города, ее отпустит страх и тревога.

Но облегчение не приходило. Сердце продолжала сжимать тоска. За окном плыли выгоревшие каменные холмы. Мимо ее сознания мелькали пейзажи – плоскогорья цвета ржавчины, верблюды, взиравшие на поезд с высокомерием английских лордов, торчащие столбиками суслики с блеском любопытства в бусинках глаз, орлы, гордо восседавшие на столбах высоковольтных линий... Всего этого Шура не замечала. В своих мыслях она возвращалась к той страшной ночи. Эта ночь разделила жизнь на две части – до и после.

– Шерсть надо? – Смуглое скуластое лицо в мелких морщинках, выгоревшее платье-халат, сетка с шерстяными рыжими блинами. Казашка продавала верблюжью шерсть. – Возьми шерсть. Такой у вас нет.

Верблюд от всех болезней лечит. Мужа от радикулита спасешь...

Шура отмахнулась. Торговка перебила мысль. Когда это началось? На неверность Вахида ей намекнула Зульфия, товарка по роддому. С тех пор Зульфию она недолюбливала.

Сперва Шура не поверила. Ради Вахида она пошла на все! Бросила дом, переехала в город, где кругом «чурки». Терпела жару, пыль. Освоила десятка два чужих слов, чтобы торговаться на базаре. Научилась готовить плов, шурпу, лепить манты. Что ему не хватало?!

Спутался с этой шлюхой! Шура выследила мужа. Как они тогда сцепились! Она до сих пор чувствует в руках жесткие черные косички и запах тухлого кефира, которым узбеки мажут волосы... После развода Шура месяц бесилась.

Готова была всех разорвать. Спасибо Мухитдинову, понял, не уволил из роддома. Она успокоилась после того, как приняла решение.

Она отомстит им обоим. Как – не знала, но знала, способ найдет. План мести зародился, когда сказали, что соперница беременна. Это был еще один удар.

– Будешь чай? – Проводница, здоровенная бабища, брюхатая, щекастая, с лицом, похожим на задницу, остановилась с подносом.

Шура кивнула:

– Два стакана можно?

– Можно. – Проводница ловко пронесла свою тушу между полками «Во, баба, – подумала Шура про себя. – У таких и муж, и семья. Как с ней мужик спит? Эдакую гору и не обхватишь...»

Поезд остановился. Станции не видно, маленькая будка. В соседний вагон втащили двух баранов. Бараны упирались, трясли связанными ногами и орали, не закрывая рта...

Возле их вагона два азиата провожали русского. Старый аксакал шурился из заветренных складок коричневой кожи. Второй, много моложе, тоже дубленый и смуглый, что-то говорил русскому. Лица русского Шура не видела. Он стоял спиной к вагону и смолил папиросу. Поезд пискнул и дернулся. Русский бросился к старику, крепко обнял его, затем обнялся и с молодым, но жестче, как бы стесняясь этого немужского момента. Затем закинул в тамбур чемодан и побежал за поездом. Шура видела, как старый аксакал вытер рукавом влажные глазные щели и отвернулся. Молодой еще долго семенил за вагоном...

Поезд набирал скорость. Шура снова ударилась в воспоминания. В ночь, когда Райхон привезли в больницу, Шура не дежурила. На другой день она попросила Мухитдинова, чтобы он разрешил ей в родах Райхон участия не принимать. Объяснила просто – что не так, скажут, навредила из ревности... Райхон родила девочку... А на следующий день случилось событие для всего города. Беленькая, тоненькая Лена Аксенова подарила своему майору тройню.

Мордастая проводница принесла два стакана чая. Шура полезла в сумку, достала лепешку, сыр, огромный розовый помидор, гроздь желтого винограда. Она любила этот виноград – мелкий, сладкий, как мед, и без косточек.

Поезд пошел на спуск. Заложило уши. На стыках сильно мотало. Чай из стакана плеснул на столик.

– Не прогонишь?

Шура подняла голову и попала в прицел двух синевато-стальных глаз. Их голубая сталь казалась особенно светлой и сияющей на почти черном от загара лице. Белобрысый ежик делал это взрослое загорелое лицо смешным и мальчишеским...

– Пожалуйста, – ответила Шура. – Вагон казенный, я тут не хозяйка.

– И на том спасибо, – ответил новый пассажир и стал обстоятельно устраиваться напротив. Шура собиралась спокойно закусить, а теперь этот новый ее стеснял. Но она отломил лепешку и глотнула чаю.

– Приятного аппетита, – бросил сосед, прилаживая чемодан на верхнюю полку.

– Спасибо... Можете присоединяться. Сыр, лепешка. Чем богата, – для порядка пригласила Шура.

– Алексей, – сообщил сосед и протянул темную шершавую руку. Шура на рукопожатие ответила, но своего имени не назвала. От еды сосед отказался, но поставил на стол банку с кумысом, блин овечьего сыра и шматок домашней конской колбасы, которую узбеки называют «казы». – Я сейчас не хочу... На дорогу такой бишбармак сделали, от обжорства еле ноги переставляю... А чаю с удовольствием...

Ехали молча. Шура чувствовала на себе взгляд соседа, но сама на него больше не смотрела. Это был тот самый русский, которого провожали азиаты. Шура хотела вернуться к вос-

поминаниям, но присутствие мужчины мешало. Думая о своем, она машинально отщипнула овечьего сыра. Сосед вынул из кармана складной нож и ловко нарезал казы.

– Попробуй. Туриндой, жена друга, мастерица казы готовить. – Шура покраснела. Теперь, когда она отведала соседского сыра, а сделала она это совершенно машинально, отказываться от колбасы было глупо. Он взяла кружок.

– Благодарю. Очень вкусно, у нас в Ферганской долине такого не делают...

– Лопай, – сказал Алексей и улыбнулся, оскалив ослепительно белые зубы. Шуре вдруг стало тепло и спокойно. От соседа шла волна доброй легкой силы. Шура неожиданно и сама улыбнулась.

– Тебя жена друга в дорогу добирала? Уж не мальчик. Пора свою иметь.

– Все было, – ответил Алексей. – Все было, да сплыло... Попробовал и хомута, и волюшки, досыта. Ты коленочки-то прикрой, не мучай.

Шура покраснела и натянула на колени юбку:

– Что, бабу не видел?

– Не поверишь, год не видел. Ты не обижайся, я что думаю, то и леплю. Дипломатничать не умею. Знаю, это плохо, через свою прямооту много всякого пришлось...

– На первую встречную и бросился бы? – спросила Шура с интересом. После жеманностей и восточных деликатностей этот парень был ей любопытен.

– Если эта встречная – красавица вроде тебя, не раздумывая, – ответил сосед и снова улыбнулся.

Шура не знала, что сказать, и отвернулась к окну. Пожалуй, окажись она с этим парнем в отдельном купе, быть беде. Шура и сама истосковалась по мужику. Только постоянная тревога и страх, темный, затаенный, тягучий, отвлекал от нормальных бабьих мыслей. Шура взглянула на белобрысую челку соседа и снова отвернулась, с трудом гася улыбку.

По вагону пролетел шум. Пассажиры поглубже записывали узлы и чемоданы. Тесней подвигались друг к другу Шли цыгане. Пять штук детворы от двенадцати лет до двух, две бабы, растрепанная старуха и чернявая молодница. Замыкал шествие старый хромоглазый цыган. Бабы и дети кланчили, приставали с гаданием и норовили что-нибудь стянуть, а мужик тихо следовал сзади, незаметно неся охрану всего неумытого выводка. Сосед, заметив волнение Шуры, быстро занял край скамейки, усевшись так, что прохлотив отсек оказался глухо отрезанным от вагонного коридора. Цыганята просочиться не смогли и, получив в качестве откупного пол-лепешки и кусок овечьего сыра, потекли дальше. Промелькнули мимо цветастые пятна платков, золото улыбчивых зубных коронок, темнота босых ног, прогундосили жалобным искусством просящие голоса, и, собрав дань, ватага переключалась в соседний вагон. Пассажиры, как после боя, проверяли потери. Кое-где вскрикивали, обнаруживая пропажу. Где-то смеялись, оценивая на глаз тяжесть золотых предметов, украшавших нищую компанию. Понемногу вагон успокоился, стал засыпать, посылая свистящий храп то из одного, то из другого отсека.

Реже стала хлопать дверь умывального сортира, выдавая каждый раз порцию специфической вони. Поезд врезался в ночь, тараня туркестанские плоскогорья, оставляя позади странную скуласто-раскосую жизнь с презрительными верблюдами, орлами и сусликами...

Шура легла и отвернулась к стене. Она лежала и чувствовала всем бабьим существом присутствие соседа. Господи, почему ей Бог не дал нормального сильного мужика, такого, как этот Алексей. Без восточных ужимок, прямого и понятного. Чудно, такой мужик, а скитается один. Видно, и его судьба потрепала.

– Как тебя зовут, соседка? – спросил Алексей, укладывая под голову тугой узел. – Все-таки первую ночь вместе. Неплохо и познакомиться...

– Шура меня зовут. Спи, завтра день длинный... Ты куда едешь? – спросила Шура. – Я до конца.

– Я тоже...

– Спокойной ночи, Алексей.

– Спокойной ночи, Шура...

Утром потянулись степи. Ровная зеленая земля от неба и до неба. За ночь вагонную духоту выдуло, и похрапывающие пассажиры натягивали на себя все что могли. Чуть свет проводница с задницей-рожей, крикая, терла тряпкой на палке пол вагонного прохода, загребая мешковиной в отсеки и круша пассажирскую обувь и вещи. Шура проснулась и больше не могла заснуть. Алексей тихо сопел, по-детски подложив ладонь под жаренную солнцем щеку и задрав загорелую ногу к верхней полке. Шура вспомнила вчерашнего попутчика, его откровенный жадный взгляд и подумала, что хорошо с ним ехать еще почти двое суток.

Потом снова вернулась в ту ночь. Снова пошел к сердцу тягучий, темный страх... Тогда в больницу понаехали журналисты. Из Ташкента прилетел главный педиатр республики.

Шура испугалась, что ее плану помешают.

Слишком много народу толкается каждый день. Суматоха царила двое суток. Потом все стихло. Тройняшки чувствовали себя нормально. Особых мер не понадобилось. Да и Мухитдинов, опытный врач, встречал в своей практике случаи и посложнее.

В следующее ночное дежурство Шура решилась. Она пробралась к новорожденным и стала искать по номерам на кроватках русских девочек. Кроме тройняшек, русских не оказалось.

Поезд резко затормозил. Шуру потрянуло.

Сосед проснулся, выглянул в окно.

– Волгу не проехали? – спросил он, потягиваясь.

– Не видела...

– Если проехали, плохо.

– На что тебе Волга? – спросила Шура.

Она с удовольствием отвлеклась от навязчивых воспоминаний. Да и было ли все это? Может, она видела себя во сне? И теперь этот тягостный, страшный сон преследует ее?

– На что мне Волга? – переспросил Алексей. – Не знаю... Люблю Волгу переезжать. От нее душа светлеет. Мне всегда хочется возле Волги остаться. Бросить все и остаться. Сколько раз проезжал, всегда так думал.

– А я на Волге выросла. Река как река. Ничего особенного. В последние годы стала грязной. Купаться неохота, потом от нефти не отмоешься, – сказала Шура и пожалела, что сказала. Пускай бы человек о Волге хорошо думал... Зачем портить?

– До Волги еще часа четыре, – прошамкал беззубый сосед из отсека через проход. – Там настоимся. Мосты в ремонте.

Поезд торчал в степи. Ни станции, ни поселка, ни домика. До горизонта ровное травяное море. Зеленые волны накатывались под легким ветерком, белесо серебря внутренними листьями. Народ проснулся и ел. Лупил о столики яйца, чавкал фруктами и чаем, шамкал, сопел и заглатывал первую порцию дневного рациона. Толстый слюнявый ребенок в одном башмачке носился из конца в конец вагона, злобно улюлюкая. Щекастая проводница, громко хлопнув дверью, удалилась в соседний вагон.

– Куда ты едешь? – спросил Алексей.

Шура не знала, что ответить.

Этот вопрос Шура себе не задавала. Хотелось ответить – домой. Но где теперь ее дом?

Вахид увез ее из общежития. Калининская областная больница владела частью пятиэтажки, недалеко от парка. В комнате жили три девушки. Шура, Катя Фролова и Сима Черняева. Катя еще тогда собралась замуж. Сима Черняева, сухая хромоножка, небось, живет там по сей день. Охотников жениться на ней найти трудно... Возвращаться в общежитие Шура не хотела. Поехать к матери в деревню Селище? Шура вспомнила суровую, рано постаревшую

женщину с набухшими от тяжелой работы жилами рук, бестолкового алкаша папашу по кличке Заяц. Однажды, зацепив по пьянке забор, он разодрал губу. Эта раздвоенная шрамом губа и стала причиной прозвища.

Шура вспомнила убогую бессмысленную волокиту с раннего утра до позднего вечера. Волокиту ради самого существования на белом свете – с тонкой облезлой избы, колодезным оброком – три ведра с коромыслом... Ежедневным полосканием белья с мостков. Вспомнила мутную масляную Волгу, превращенную человеческой жадностью в стоячее болото. От стариков Шура слыхала, что раньше Волга быстрой чистой водой бежала по перекатам. В сетях поутру рыбаки находили и судака, и стерлядь, и много другой вкусной дорогой рыбы.

Потом понастроили плотин, вода встала болотом, ценная рыба подохла. В деревню Шура возвращаться не хотела. И не только из-за скукоты, ожидавшей ее в Селищах. Шура теперь должна прятаться. Надо такое присмотреть место, чтобы не нашли. А искать будут. Шура в этом не сомневалась.

– Куда еду? Да куда глаза глядят, – ответила она Алексею, уже и не чаявшему дожидаться ответа.

– Вот те на! – удивился сосед. – Такая ладная молодница и без якоря? – Голубоватая сталь глаз замерла внимательным вопросом.

– Так уж вышло... Может, когда и расскажу... А ты куда?

– Туда же, – ответил Алексей и показал белозубую пасть.

– Как это? – не поняла Шура.

– Вот так. Куда глаза глядят, а поезд везет.

На верхней полке зашевелился сосед. Он беспробудно спал с самого Ташкента. Теперь он свесил ноги и ошалело огляделся.

– Где мы есть?

– Ишь, проснулся, – сказала Шура. – Если бы не сопел, я уж думала, помер. Почти сутки придавил... В степи стоим, скоро Волга...

Сосед почесался пятерней, промычал что-то невразумительное и снова повалился на полку. Через минуту опять засопел. Локомотив свистнул, загудел. Состав дернулся и, нехотя набирая скорость, поплыл по степи.

– Вот что, соседка... Пойдем завтракать в ресторан? Я приглашаю, – улыбнулся Алексей.

– У нас свои харчи пропадают, – неуверенно ответила Шура.

– Не пропадут, на полках еще насидимся.

Надо для души просветление устроить, да и знакомство отметить. – Алексей приглашал просто, без рисовки. Шура подумала и согласилась.

– Подожди, я тогда хоть немного марафет наведу...

– Давай. А я пока в тамбуре перекурю. – Алексей извлек из кармана пачку «Беломора» и моментально исчез. Шура достала платье, сунула за пазуху пакет с деньгами и паспортом и, взяв маленькую сумочку, отправилась в вагонный умывальный сортир.

С трудом балансируя в загаженном пенале, она чудом умудрилась вынырнуть из спортивного синего трикотажа. Не прикасаясь к грязному умывальнику, облачилась в легкое сиреневое платьице. Умылась, причесалась, а потом, вернувшись на полку, закончила скромными косметическими штрихами свой выходной марафет.

Вернувшись, Алексей разинул рот.

– Вот это да! Какую деваху я себе в соседки надыбал. Ай да Алексей...

Шуре было приятно видеть его восхищенное удивление. Но она старалась оставаться строгой.

– Я готова.

Алексей надел чистую светлую рубашку, джинсы и тоже преобразился. Еще бы револьвер на пояс, мокасины, ковбойскую шляпу – и айда на голливудские съемки.

До ресторана между девятым и восьмым топать пять вагонов. На каблуках для такого перехода Шура потребовалось мужество. Кроме дребезжащих вагонных сцепок путь баррикадировали мешки, ящики и узлы. Узбеки везли на русские рынки незрелые груши, томаты и зеленую редьку. Из купе торчали ковры, коробки от телевизоров. По проходам бегали дети – офицерские семьи меняли места дислокации.

После спертого мешочного плацкарта ресторан казался хрустальным замком. Плоская, как вобла, официантка с подрисованным помятым лицом пьющей женщины заканчивала готовить столики. Шура и Алексей пришли первыми. Официантка протянула меню, но сразу предупредила, что ничего из указанного там на самом деле на кухне нет. Оставшись без права выбора, Алексей заказал дежурный бефстроганов, бутылку коньяка, коробку конфет и лимон.

Поезд нагонял упущенное стоянкой в степи время. Вагон болтало на стыках, и Алексей с трудом разлил коньяк. Приятное алкогольное тепло тихо расходилось в груди. Несмотря на изрядные добавки чая и портвейна, в напиток кое-что от коньяка сохранилось. Алексей сидел и восторженно разглядывал Шуру.

– Чего уставился? – строго спросила Шура, с трудом удерживая серьезность.

– Красивая ты, – ответил Алексей, не отводя взгляда.

– Если ты год без бабы живешь, тебе любая Баба Яга красавицей покажется. Ишь, разгулялся... У тебя что, денег куры не клюют?

– Год зря работал? – Алексей закурил и добавил:

– Тратить на себя много не умею...

– Такой видный мужик и один? – Шура спросила как будто между делом, но ждала ответа напряженно.

– Хочешь мою биографию узнать? – Алексей искал подтверждения интереса к своей персоне.

– Время есть, почему не послушать...

– Шура, не обидишься, если я прямо скажу, что думаю?

– Если не обидишь, не обижусь.

– Давай вместе слезем с поезда на Волге.

Зачем нам дальше ехать?! – Алексей со свистом затянул «Беломор».

– Как это слезем? Ты спятил? – Шура ожидала чего угодно, но не такого напора.

– Слезем и все. Работа везде найдется.

Деньги у меня есть. С жильем устроимся.

– Ты серьезно? – Шура тянула время, чтобы собраться с мыслями.

– Ты не думай, я не уголовник. За мной плохих хвостов нет. Только я не совсем свободный. Должен тебе сразу сказать. У меня под Краснодаром два парня у сестры. Мне их взять придется...

– Еще чего закажете? – спросила плоская официантка и, получив отрицательный ответ, поджала губы и ушла на кухню.

– О чем ты мне толкуешь? – спросила Шура.

– Два сына у меня. Старшему три, младшему – полтора года. Вот такой довес по жизни имеется.

– А куда мать их подевалась?

– С моим братом сбежала. Два с половиной года назад из экспедиции вернулся – дети у сестры, жены нет. Потом письмо прислала... – Алексей разлил коньяк по рюмкам, свою махнул залпом. – Ты не думай, мальчишки хорошие, не шпана. Белокрысы, на меня похожи.

– А про Шуру ничего узнать не хочешь?

Может, я змея подколотая? Оберу тебя до нитки и тоже смоюсь, как твоя... – Шура отвернулась к окну.

– Захочешь – расскажешь. А на змею ты не тянешь. И Бог два раза наказать не может.

Я за прежние грехи рассчитался... Давай выпьем, – Алексей потянулся рюмкой к Шуре, – выпьем за нашу новую жизнь...

– Ишь, какой быстрый! Я что, тебе согласие дала? – Шура возмущенно вскинула бровь.

– Моих пацанов испугалась? – Алексей стукнул рюмкой Шурину и, не дожидаясь, выпил. Шура тоже медленно влила в себя алкоголь и стала смотреть в окно. Там продолжала тянуться ровная, как доска, степь.

«Знал бы он, кого с собой в жизнь приглашает, – думала она. – За ним плохих хвостов нет. А за мной? С другой стороны, судьба второй раз такой шанс не выдаст. И дети. Своих не рожу, хоть чужих помогу вырастить. Я же баба, должна материнскую ласку, Богом заказанную, в мир отдать».

– Чего замолчала? Все-таки обиделась? – тихо спросил Алексей. – Давай начистоту. Не нравлюсь я тебе? Закроем разговор и баста.

– Почему не нравишься? Я бы тебя сразу к чертям собачьим послала. Раз сижу с тобой, значит ничего...

– Тогда давай по рюмке за новую жизнь и пошли вещи собирать.

– Ты сейчас напился, потом протрезвеешь и за голову схватишься, – зацепила Шура.

– Я от трех рюмок?! Обижаешь... Девушка, рассчитайте нас.

В проходе между вагонами Алексей сзади обнял Шуру и притянул к себе. Она обернулась, нашла его губы.

– Вон где надумали?! – удивилась щекастая проводница, непонятно как оказавшаяся за три вагона. – Дайте пройти. У меня скоро станция.

Алексей вытащил на платформу вещи. Затем вывел за руку-Шуру. Обнял ее, и Они так стояли, прижавшись друг к другу, пока поезд ждал, а рядом входили и выходили пассажиры. Из окон вагона на них глазели бывшие попутчики. Щекастая проводница стояла у дверей, с видом глубокого неодобрения отвернув от них свою мощную тушу. Потом поезд тронулся. Перрон опустел, а они все продолжали стоять, словно боялись, что это случайное соединение в большом и чужом мире может внезапно нарушиться и они вновь останутся каждый со своим одиночеством. Поезд обернулся маленьким длинным червячком. Вдали под ним прогремели стыки моста. Под мостом текла великая русская река, загаженная нефтью, запертая плотинами, но полноводная и мощная, несущая корабли и новые надежды.

3

На четвертом этаже дома на Фрунзенской набережной на подоконнике сидел рыжий сибирский кот Фауст. Голубыми влажными глазами Фауст смотрел на чертово колесо. Колесо крутило кабины в Парке культуры имени Горького на другой стороне Москвы-реки. В отличие от других котов Фауст мог считать себя полиглотом. Он знал три языка: родной – кошачий, немецкий и теперь русский. Немецкий Фауст начал понемногу забывать. Предки Фауста всегда жили в Берлине в семьях больших военных чинов. Прапрапрадедушка Фауста имел в хозяевах адмирала фон Дица и, таким образом, считался не последним котом в Третьем рейхе. Вместе с полуразрушенным домом предок Фауста перешел к советскому генералу Прянишникову, одному из заместителей коменданта низложенного Берлина. Рыжих сибирских котят советские военачальники стали дарить друг другу. Подполковнику Аксенову юного Фауста принес в день рождения дочек-тройняшек его заместитель капитан Сотин. Девочки тут же принялись изливать на неокрепшего Фауста свою любовь. Эта любовь, троекратно умноженная на каждую из тройняшек, могла стоять котенку жизни. Поэтому Марфу Ильиничну, бабушку малюток, Фауст по праву считал своей спасительницей. На Фрунзенской набережной Фауст чувствовал себя превосходно. Дух старой генеральской квартиры создавал коту генетический комфорт.

Однообразный круговорот чертова колеса приелся Фаусту. Он потянулся, подняв к небу плоское пушистое «лицо» плюшевой игрушки, прыгнул на пол, что-то коротко произнес не то по-немецки, не то по-кошачьи и, пройдя по гостинной с гордо поднятым хвостом, запрыгнул на колени к хозяйке.

– Соскучился, бездельник? – ласково произнесла Марфа Ильинична и потрепала Фауста за ухом. – Кончилась твоя масленица. Нынче приедут внуки и тебе зададут...

Марфа Ильинична Аксенова еще плотнее уселась в мягкое несуразное кресло из шикарного немецкого гарнитура и уставилась в экран телевизора. Передавали новости. Лысоватый руководитель страны общался с народом прямо на улице. Лидер сообщал обступившей толпе, что теперь жить можно совсем не так, как раньше. Генеральская вдова отметила про себя, что все это глупости и до хорошего не доведут... Зачем все менять? Чтобы жить лучше?

И раньше жили неплохо... Она прикинула, как бы отнесся к «новому мышлению» ее покойный Слава. Он строил Берлинскую стену, а они рушат. Что теперь будет с ее мальчиком?

Сегодня вдова ждала сына. Она взглянула на часы – пора и быть... Петрович два часа назад отправился в Шереметьево. Сама вдова в аэропорт не поехала под предлогом тесноты. Но это был всего лишь предлог. Можно взять такси и вернуться двумя машинами... Да, много чести – встречать невестку.

В отличие от генеральских жен, которые чаще всего выходили в генеральши из деревенских девок, Марфа Ильинична вела свой род из московских купцов Стреминых. В том роду мужчины получались маленькими и юркими, а женщины дородными и властными. Марфа Ильинична переняла повадку женской линии рода целиком. Дома покойный Вячеслав Иванович ходил тише воды, ниже травы...

Это там, на Сенеже, в дивизии, генерал наводил ужас одним своим появлением. Не боялся генерала только его личный шофер Петрович. Но Петрович – это дело особое... Петрович спиной принял его пулю. С той пражской весны он стал членом семьи. Петрович и генеральшу звал, как генерал, матушкой. И на охоту вместе, и за праздничным столом по правую руку. Но водитель свое место знал и близостью с генералом не кичился. Вячеслав Иванович такт Петровича ценил и не оставался в долгу. Водитель получил квартирку рядом с хозяином, не с видом на Москву-реку, но тоже с большой кухней, сталинскими потолками и мусоропроводом. И участок под дачку в «Правде». И личную «Победу» Петровичу также выдали по письму генерала. Машина простояла в масле на армейских складах лет двадцать и досталась Петровичу почти даром.

Смерть хозяина Петрович пережил как личное горе и, выйдя на пенсию, вдову не бросил. Навещал часто, технику в квартире поддерживал, а раз в неделю обязательно возил в «Военторг», где Марфа Ильинична отоваривалась по льготным ценам.

Марфа Ильинична гладила Фауста, поглядывала на часы и на фиолетовую отметину лидера в телевизионном экране. Внушек своих бабушка не видела семь лет. Четыре года назад она посетила сына в Берлине с двухнедельным визитом, но девочки в это время отдыхали в Артеке, и Марфа Ильинична их не дождалась. Вот тогда она и забрала в Москву Фауста. Больше в Германию к сыну она не поехала. В доме Аксенова-младшего хозяйкой она себя не чувствовала. Порядки, заведенные Еленой, ее раздражали. Обедали там, когда придется. Всей семьей сесть за стол за две недели так и не пришлось.

Кроме того, Марфа Ильинична вообще не любила оставлять свою московскую квартиру.

Даже летом отправлялась в санаторий с неохотой. Дачу в «Правде» после смерти мужа сразу продала. Покойный генерал на даче любил играть в карты. В те времена у них на террасе за преферансом можно было встретить и знаменитую певицу из Большого, и известного писателя, и даже директора цирка. Нет, не Никулина. Тогда Никулин ходил в простых клоунах. Когда сын увозил тройняшек в Германию, те были совсем малютками, а сегодня она встретит двенадцатилетних девиц. Полгода назад сын по ее просьбе прислал фотографии девочек. Она

заказала, чтобы фото напечатали крупные и снимали девочек по отдельности. Раньше Аксенов высылал групповые снимки, и Марфа Ильинична не могла как следует разглядеть внучек.

Когда фото пришли, генеральша надела очки и уселась за письменный стол покойного мужа.

Она разложила на зеленом сукне массивного стола три портрета и стала изучать. Близнецы, родившиеся в один день в далеком азиатском городке, не сливались, как три капли. Две рыженькие имели удивительное сходство, а третья, Надя, отличалась. «Пошла в невестку», – решила Марфа Ильинична. Покойный муж передал сыну по наследству огненную шевелюру.

Когда сын вырос, он немного посветлел, но различие в оттенках отца и сына улавливала только сама Марфа Ильинична.

Елена – невестка вдовы – улыбочивая, тоненькая, с мелкими правильными чертами была не просто блондинка. Такую белобрысую девицу генеральша по жизни не встречала. Она даже долго думала, что Елена красится. Но Лена волосы не красила. Невестка подкрашивала беле-ые брови и ресницы. Надя пошла в мать, но, что удивительно, при совершенно белых косичках девочка глядела на мир карими глазами из-под почти черных бровей и темных ресниц. При этом светлые волосы выглядели седыми. «Станный ребенок, – размышляла вдова, разглядывая фотографию третьей внучки. – Рыженькие Люба и Вера с зелеными глазами – наши, аксеновские, а эта в Лену», – подытожила осмотр Марфа Ильинична и спрятала фото в ящик стола.

Зазвонил телефон. Марфа Ильинична скинула Фауста, грузно поднялась и пошла в холл.

Петрович звонил из аэропорта. Много вещей.

Задержались с таможней.

– Я вас в дверях жду, а вы с летного поля звоните... – поворчала генеральша и пошла проверять готовность квартиры к приему семейства. В доме все блестело. Сиял лаком могучий сервант из того же немецкого гарнитура пятидесятих годов. Снежно белела скатерть на овальном обеденном столе. Марфа Ильинична не любила новой мебели на все случаи жизни.

Зачем вместо обеденного ставить стол журнальный и на него подавать обед? Зачем вместо стульев держать возле стола мягкие кресла? Когда ешь, до тарелки не дотянешься и капашь на себя соусами и винами... Везде глупость и дурь.

Вдова подошла к портрету мужа и стерла несуществующую пыль. На кухне под суровым полотенцем на доске сохранялась для гостей кулебяка с капустой и мясом, сладкий пирог ждал своего часа в буфете. В духовке остывал гусь с яблоками, и его остывание генеральшу волновало. Горячий гусь одно, подогретый – другое. Пусть лопают так, если не могут приехать вовремя.

Марфа Ильинична открыла холодильник и извлекла бутылку «Столичной». Это была особая водка, и бутылка была особенная, «с винтом». Изготавливали напиток для экспорта. Генеральша получала водку в пайке к празднику. Марфа Ильинична вынула из буфета графин синего стекла, аккуратно перелила в него водку из бутылки, пустую бутылку унесла в кладовку и поставила в ящик. Раз в месяц Петрович посуду сдавал.

Услышав шум на кухне, важно явился Фауст.

Кот потерял о ноги генеральши. Марфа Ильинична снова открыла холодильник. Тушки хека, чищенные, с отрезанными головами, служили пищей кота по будням. По праздникам полагался фарш. Марфа Ильинична на минуту задумалась, затем извлекла пакет с фаршем. Фауст ел, не торопясь, стараясь не пачкать свой подшейный плюш. Марфа Ильинична смотрела, как ест кот, а думала почему-то о Берлинской стене. Стена рушилась. Рушилась и понятная, предсказуемая карьера сына. Предстояла совместная жизнь с невесткой в одной квартире. Властная вдова ничего хорошего от такой перспективы не ждала.

Но смутная тревога вызывалась не только эгоистическим соображением...

«Я уже свое пожила, и пожила недурно. Что будет с сыном, с девчушками? Как отразится на семье это дурацкое слово «перестройка»? – думала вдова, а Фауст тем временем доканчивал фарш из своей мисочки, вместе с ним приехавшей четыре года назад из столицы ГДР.

4

Петр Григорьевич Ерожин заканчивал посещение бассейна последним заплывом на спине. Осталось полчаса погреться в сауне и можно отправляться к Ларисе. Роман с Ларисой длился вторую неделю, и ее свежее золотистое тело еще сильно влекло капитана. Лариса умела быть приятной не только в постели. Ерожин уже привык, что девушка, встретив его в одном шелковом халате, сперва вкусно накормит. Водочка на столе у Ларисы всегда холодная, а коньяк комнатный. Угощая возлюбленного, Лариса не станет говорить о скучных делах, а проведет веселый воркующий флирт, когда между словами и улыбками невзначай мелькнет розовая грудка, а случайно откинутый халат покажет стройность бедра, нестесненного атрибутами женского белья.

Затем они незаметно переключаются в спальню, где при мягком зашторенном свете шелкового абажура начнется неторопливый и сладостный процесс, ради которого в основном и существовал на свете заместитель начальника Новгородского уголовного розыска капитан Ерожин. Петр Григорьевич с чувством исполненного долга вернется домой, соврет жене Наташе что-нибудь о причине задержки и засядет у телевизора. Новый американский боевик он прихватил с работы. Два с половиной часа в кругу семьи также обещают быть не слишком тоскливыми. Сын Гриша, симпатичный белобрысый мальчик с прижатыми по-отцовски ушами, промается до ночи со своей математикой, а Наталья совместит домашние хлопоты с ролью репетитора сына.

Предвкушая остаток дня, Ерожин перевернулся и по-спортивному упругим рывком покинул бассейн. Плавание – часть распорядка офицерской жизни уголовного розыска. Стражам общества надлежит быть в форме, и потому бассейн и сауна входят в служебные обязанности. Петр Григорьевич отладил в душевой струю горячей воды. Он любил душ или очень горячий, или ледяной. Часто пользовался то одним, то другим попеременно. Приятный миг, когда под горячими струями млеет сильная мужская машина, переливаясь мышцами, а голова занята осмыслением удовольствия и истома, нарушил инструктор Митин.

– Петь, тебя к телефону. – Митин протянул полотенце.

– Нельзя попозже? – Ерожину вовсе не хотелось прерывать приятное течение процедуры.

– Секретарь обкома. Срочно! – Митин уже вытирал спину Ерожина, хотя душ продолжал свою работу. Завернувшись в махру банной простыни, оставляя босыми ногами влажный след крупной стопы, Петр Григорьевич проследовал в кабинет директора.

– Вот какое дело, Ерожин, – начал секретарь высоким тенором. – Убит начальник потребсоюза Кадков. Вести поручается тебе. Машина Управления к спорткомплексу вышла.

Срочно выезжай на место.

– А почему я? – удивился Ерожин. – Кадков – фигура! Его делом должен заняться начальник. Мне не по рангу...

– Всеволод Никанорович так распорядился. Я с ним разговаривал пять минут назад. Начальник райотдела считает тебя самым способным сыщиком...

Ерожин оделся быстро по-солдатски.

«Прощай, Лариса», – пришла первая мысль, и сделалось грустно. Машина, вереща сиреной и мигая синим глазом, мчала по узкой дороге. В окне мелькнуло солнечным бликом озеро Ильмень, впереди показалась стена кремля.

«Почему Семякин не взялся сам? – мучительно думал Ерожин. – Что за этим стоит?»

И вдруг понял. Родственник убитого, не то брат, не то дядя или муж сестры, – большая шишка в Москве. Такая большая шишка, что не приведи Господи... Всеволод Никанорович не дурак. Не справишься с расследованием, неприятности начнутся по самому первому разряду. Вот и причина, его просто подставили.

Промелькнул кремль, здание обкома... За гостиницу направо. Вот и двор. В этих старых сталинских домах жили прежние хозяева города. Теперешние селились в новой кирпичной башне, построенной обкомом прямо над озером.

В новый дом Ерожин попадал всего два раза.

Отвозил букет от райотдела в именинный день жены секретаря и сопровождал урну для голосования к лежащей бабке, теще председателя исполкома. А в старом сталинском Ерожин знал многих. Заместитель начальника райотдела по розыску – чин в области немалый.

Знакомств хватало. Не хватало для этой должности у Ерожина только звездочки. «Справлюсь – дадут как пить дать», – пронеслось в голове.

Возле подъезда дежурил сержант Крутиков и стояли зеваки. Труп Кадкова чинно лежал в своей постели в спальне. Если бы не два кровавых пятнышка на шелковой пижаме, можно было подумать, что хозяин, приподнявшись на подушке, смотрит телевизор. На экране болталась мерцающая сетка из штрихов и пятен. Работал видеомэгафон. Наверное, кончился фильм. Ерожин поздоровался с криминалистом Суворовым. Витя Суворов походил на великого однофамильца только хромотой и плюгавым ростом. Тихий ехидный очкарик Суворов слыл дельным работником и славился как один из самых заядлых болельщиков. Причем хилый криминалист болел не за футбольные или хоккейные команды, а за борцов, боксеров и «тяжелых атлетов»;

– Ничего? – спросил Ерожин, цепко оглядывая спальню.

– Как в санатории: тишь, гладь и Божья благодать.

– Кто обнаружил? – Ерожин приподнял одеяло. Убитый пижамных штанов не надел.

Две ноги торчали из трусов в мелкий цветочек.

Таких трусов мужчины в городе еще не носили, и Ерожин ухмыльнулся. Костя щелкнул в этот момент вспышкой.

– Обнаружила жена, – ответил Суворов, исследуя пепельницу. – Вышла на полчаса в магазин. Мужу захотелось свежей сметаны, к обеду. Вернулась – и вот...

– Где жена? – спросил Ерожин, думая; что хозяин – человек далеко не бедный. Может, грабнули?

– Жена в кабинете.

Соня Кадкова сидела на кожаном диване в кабинете убитого мужа, жадно курила и смотрела в одну точку. Слез на глазах молодой вдовы Ерожин не заметил. Кадков пять лет назад женился во второй раз. Соня, моложе мужа на пятнадцать лет, к тому времени тоже успела развестись. Детей у них не завелось. У Кадкова был сын от первого брака – известный в городе пьяница, хулиган и повеса. Он жил отдельно. Все это Ерожин быстро вспоминал.

Кадкова капитан знал шапочно. Ублажая своих приятельниц, Ерожин несколько раз обращался к Кадкову за дефицитом. Директор потребсоюза занимал в городской раскладке место тихого бога. О нем вспоминали, когда что-то приходилось добывать. Тогда на Кадкова молились. Получив, забывали. Но и сам Кадков ни в одном высоком кабинете отказа не ждал.

Ерожин смотрел Соню с ног до головы и отметил – если не этот сухой блеск темных напряженных глаз, девчонка что надо. Возраст немного за тридцать. Круглые широкие бедра при узкой талии и объемной груди. Белая гладкая кожа, тугие каштановые волосы. Темные, сросшиеся брови кого-то Ерожину напомнили.

Он напряг память. В сознании поплыл пыльный азиатский город. Коньяк «Плинка», грудь с темными сосками и бритые промеж ног волосы...

«Надо думать о деле», – решил Ерожин.

– Как это случилось? – спросил он вдову.

Соня посмотрела на Ерожина непонимающим взглядом и ответила вопросом:

– Что – как?

– Как вы обнаружили мужа?

Соня мотнула головой, как бы сбрасывая сон. Посмотрела на Ерожина, будто только что его увидела:

– Пришла из магазина, а он там...

– Супруг болел?

– Почему?

– Время пятый час дня, а он в постели, – резонно заметил Ерожин.

– Да-да... Я не подумала... – Соня поглядела на потолок. Женщина тяжело собиралась с мыслями... – Нет, сегодня муж устроил себе выходной. Очень трудная у него выдалась неделя. Сказал, из спальни не выйду. Вот и не вышел...

– Мы еще с вами поговорим, – сказал Ерожин. – Только я вас очень прошу все в доме проверить. Может, что пропало? Вещи, деньги, документы.

Соня мотнула головой, но Ерожин не был уверен, что она его услышала. И повторил все сначала. Соня снова мотнула головой, а Ерожин пошел осматривать квартиру.

Жилище Кадкова сразу заявляло о богатстве хозяина. Богатства тут не скрывали. Начиная с румынской ореховой вешалки и дверок стенного шкафа, все было дорогое и солидное. Хрусталь огромной люстры в гостиной мерцал подвесками, как в столичном театре. На стенах в золоченых рамах висели три большие картины. На одной, на фоне голубых гор, пастушка слушала свирель пастушка. А рядом ниспадал водопад. Ерожин подумал о том, что художник не умел логически мыслить. Рядом с шумом такого водопада свирель не услышишь. На другой картине, похожей на марины Айвазовского, темные волны несли мачты гибнущего корабля. Потом Ерожин узнал, что картина действительно принадлежит кисти великого мариниста. На третьей, поменьше, но зато в самой массивной раме, изображалась пошлая сценка из испанской жизни. Стол, стулья и горка гостиной из ореха с инкрустациями наполняли комнату музейным величием.

Не заметив ничего особенного в гостиной, Ерожин проследовал на кухню, отметив по дороге в холле большой настенный календарь с подмигивающей японкой на обложке. Причем под разным углом зрения японка меняла не только выражение лица, но и гардероб. Стоило сдвинуть точку осмотра, и девушка оставалась в неглиже. А подмигивающая улыбка недвусмысленно призывала не только к изучению чисел месяца... Ерожин хмыкнул и несколько раз сменил точку обзора. Одев, раздев и снова одев гейшу, он, наконец, перешел к осмотру кухни.

Дубовая обстановка просторной кухни сильно отличалась от обычного убранства блока питания среднего советского обывателя. Над иностранной электрической плитой, зеркальная поверхность которой не несла видимых мест для готовки, встроенная вытяжка. Двухметровый «Розенлев» с гигантской морозильной камерой непривычного зеленого цвета.

И совершенное чудо для российской действительности – посудомоечная машина... На столе с гнутыми ножками, совсем даже не кухонном, и только пластиком столешницы отличным от гостинного, стояли несколько чистых тарелок, лежали ножи, вилки и поварешка. Все приборы из массивного серебра вычурного дорогого литья и чеканки. Поварешка даже золоченая внутри. На модной плите кастрюля с картинкой на зеленой эмали. С сюжетом также из пастушечьей жизни. Ерожин потрогал кастрюлю – чуть теплая. Заглянул под крышку – полная густого темного супа с кусочками сосисок и маслинами. Солянка, вычислил Ерожин и пожалел покойного, что тот не успел пообедать.

Ерожин вернулся в спальню. Суворов затсанчивал возню со своими баночками и пакетиками. Медэксперт Горнов, опоздавший к началу осмотра, теперь внимательно изучал пулевые дырочки на груди убитого:

– Мне все ясно. Но, как полагается, заключение после экспертизы...

– Нашли одну гильзу, – заметил Суворов. – Дамский маленький пистолетик. В нашей практике не упомяну...

– Он быстро кончился? – спросил Ерожин Горнова.

– Мгновенно, – ответил тот. – Проникающее в сердце...

Ерожин еще раз оглядел спальню и только теперь заметил, что телефонная трубка неплотно лежит на кнопочном белом аппарате.

Телефон стоял на полу, по правую руку от убитого.

– На трубке отпечатки проверил? – спросил Ерожин Суворова, направляющегося к выходу.

– Обижаешь, – ответил Суворов. – Поеду, поглядим в лаборатории, может, чего выплывет.

Ерожин положил трубку на рычаг, и тут же раздался звонок. Ерожин снял трубку.

– Говорит замминистра внутренних дел... – В телефоне назвали фамилию, после которой Ерожин машинально вытянулся.

– Слушаю, товарищ заместитель министра.

– Кто говорит? – басом спросили в трубке.

– Заместитель начальника уголовного розыска капитан Ерожин.

– Вам поручили расследование?

– Так точно, товарищ заместитель министра.

– Давай без субординации... Как тебя зовут, капитан?

– Петей, – растерялся Ерожин.

В трубке ухмыльнулись:

– Вот что, Петя, а меня окрестили Иваном Григорьевичем... – Отчества одинаковые, мелькнуло в голове Ерожина... В трубке продолжали басом:

– Про тебя, Петя, ваше начальство Лазаря поет. Лучший следопыт в области. Найди мне убийцу. Нужна помощь из Москвы – проси, не стесняйся. Работай без паники. Я понимаю, тебя начальство подставило... Не дрейфь. Справишься, далеко пойдешь.

Работай. Все понял?

– Так точно, Иван Григорьевич.

– Молодец. Запиши мой прямой телефон.

Возникнут вопросы, звони днем и ночью... А теперь позови дочь.

– Кого? – не понял Ерожин.

– Дочь, Соню, балда.

Соня взяла трубку в кабинете, там стоял второй аппарат. Ерожин опустил трубку на рычаг, достал из кармана платок и вытер испарину. Два парня в клеенчатых передниках ждали, пока капитан закончит говорить по телефону:

– Можем забирать? – Ерожин, еще весь в разговоре с заместителем министра, не сразу понял вопрос. Очнувшись, подумал и утвердительно кивнул.

Парни дело знали. Убитый без всяких усилий перекатился на брезент, мелькнув трусами в цветочек. Парни накрыли тело и ловко просочились с ношей через дверь спальни.

Судмедэксперт и техник уехали раньше. Ерожин остался один. Сел на краешек кровати и задумался.

Надо забыть, что Соня – дочь шишки, и спокойно доработать квартиру. Вещи, тряпки, деньги, золото. Соня может и соврать. Давить на женщину в сложившейся ситуации трудно...

Нельзя ее пока и исключить как одну из подозреваемых.

Ерожину представилась ясно, как в кино, картина смерти Кадкова. Он лежит в своей постели, смотрит фильм по видику и говорит по телефону. Кстати... Ерожин позвонил связистам и попросил установить, с кем разговаривал абонент.

- Нет, сейчас был разговор с Москвой. Мне нужен разговор перед междугородним.
- Попробуем, – чирикнул звонкий женский голос...

Ерожин задумался, кто из девочек сегодня дежурит. Голос смахивает на Галю Филиппову. Если Галя, то три майских праздничных дня с ленинградской экскурсией она должна запомнить. Ерожин улыбнулся. Куда ни ткнись – везде знакомые девчонки. – Скоро в городе делать будет нечего.

На чем остановилась мысль? Кадков смотрит видик и говорит по телефону... Допустим, с любовницей. Соня приходит из магазина и слышит этот разговор. Разговор ее бесит. Она берет дамский пистолетик и пиф-паф... Правдоподобно? Вполне.

Версия, что Кадкова застрелил человек, хорошо ему знакомый, подтверждается тем, что он дверь не открывал, а продолжал спокойно лежать в удобной позе...

Почему Всеволод Никанорович Семякин, начальник розыска большого города, поручил расследование щекотливого дела Петру Ерожину, сам Петр разобрался почти верно. Но только почти. Капитан, известный начальству своими донжуанскими наклонностями, имел настоящий сыскной талант. Ерожин распутал несколько совершенно безнадежных дел, не выходя из кабинета. То ли ему Бог дал чутье на преступление, то ли очень умную голову с криминальным уклоном. Этого и Петр не понимал. Но налицо факт: то, над чем другие пыжались, вытаптывают кучу версий, роются в архивной пыли, Ерожин раскручивает между делом. А делом Ерожин считает вещи для него важные и приятные.

Сперва легкость, с которой молодой сыщик решал уголовные головоломки, сослуживцев бесила. Но поскольку сам Ерожин относился к своим способностям без всякого уважения, а на похвалы скалил белозубую пасть, по-котовски прижимая уши, то раздражение коллег улеглось. А анекдоты, связанные с похождениями капитана, окончательно сняли напряжение. Стоило на собрании упомянуть фамилию Ерожина, все начинали улыбаться...

Соня вошла в спальню и, увидев капитана, вздрогнула.

– Вы еще здесь?

– Мы же договорились. Осмотрите квартиру. Скажите, что пропало. Составим список.

Вещи могут сильно помочь следствию. – Ерожин положил руку на плечо Сони. – Куда ты положила пистолет?

– В ящик... – ответила Соня и побледнела.

– Понятно, – сказал Ерожин. – Что будем делать?

– Не знаю... – На глазах Сони наконец появились запоздалые слезы, плечи женщины затряслись, она обмякла и прислонилась к Ерожину. Ерожин так постоял некоторое время, затем взял голову Сони за щеки и поднял вверх.

Через минуту он почувствовал вкус теплых соленых от слез губ. Рука капитана автоматически опустилась ниже. Соня, не сопротивляясь, повалилась на кровать и, всхлипывая, не шевелясь, ждала, пока Ерожин ее разденет.

Черные колготки никак не хотели отпустить крутые упругие бедра, но опыт капитана сделал свое дело. Аккуратно снять трусы Ерожин уже не мог, он сорвал клочок легкого трикотажа и, отбросив одеяло, сжал податливое тело женщины. Соня перестала всхлипывать и потихоньку начала отвечать на страсть Ерожина. Приподняв Соню в последнем объятии, Петр Григорьевич заметил на подушке два небольших красных пятнышка.

«Недолго пустовала кровать», – подумал он, укладывая голову на гладкий живот вдовы...

Уже на кухне, уплетая так и не распробованную покойным Кадковым солянку, Ерожин повторил вопрос:

– Что будем делать?

– Не знаю, – снова ответила Соня и виновато улыбнулась.

– Как это произошло? – спросил Ерожин.

– Он со вчерашнего дня был злой. Меня обругал. А чем я виновата?

Ерожин слушал и думал, что предпринять.

Иван Григорьевич, папаша Сони, не слишком правильно поступил, доверив ему дело... Хотя поглядим...

– Я не виновата, – продолжала Соня. – Как я могу не пустить в квартиру его сына?

– Ну и что? – заинтересовался Ерожин.

– Эдик приперся пьяный. Клянчил денег.

А утром выяснилось, что он упер у отца золотой портсигар и часы. Швейцарские, муж их очень любил... Они и там стоят кучу денег...

– Понятно. Сейчас же дай мне пистолет.

Откуда он у тебя?

– Папа подарил...

– Зачем?

– На всякий случай, когда поздно возвращаюсь... И вообще, – ответила Соня, и слезы снова закапали из ее темных глаз.

– Давай дальше, по порядку. – Ерожин приготовился слушать, но решение уже созрело.

– Я днем пошла в магазин за сметаной, возвращаюсь – он по телефону говорит.

Я стою, он меня не видит. – Соня всхлипнула, Ерожин достал платок и вытер Соне нос и глаза.

– С кем говорил муж?

– С этой ленинградской певичкой. Я слышу – он ей квартиру обещает купить! Во мне все поднялось. Я в ванную, пистолет у меня там в шкафу. Ну и все...

Зазвонил телефон. Соня, всхлипывая, сняла трубку.

– Это тебя... Вас.

Звонили Ерожину связисты. Дежурила сегодня Галя. Ерожин не стал вспоминать свое знакомство, а строго выслушал информацию.

Кадков говорил с Ленинградом...

– Принял, – ответил Ерожин и набрал райотдел. – Всеволод Никанорович, вы меня слышите? Я дело распутал. – Соня побледнела и вжалась в стул. – Мне нужен ордер на обыск, – продолжал Ерожин. – Записывайте, Кадков Эдуард Михайлович. У него надо отыскать золотой портсигар, швейцарские часы и дамский пистолет, принадлежавший супруге убитого. Все эти вещи исчезли. Сына Кадкова супруга убитого видела, когда возвращалась из магазина. Все.

В тот же вечер Эдика арестовали. Часы он успел продать, а золотой портсигар сохранил.

Портсигар нашли. Нашли и покупателя швейцарских часов. Вот только дамский пистолет Эдик успел выбросить. На следующее утро Соня на «Волге» мужа уехала в Москву.

Через неделю Ерожина вызвали в обком партии. Секретарь вручил ему грамоту, а коллеги Ерожина поздравили с повышением. Еще через неделю из министерства пришел запрос.

Майора Ерожина переводили в столицу.

День перед отъездом на новое место службы Ерожин провел с Ларисой. Девушка была так же хороша, но меньше шутила. Прощание с возлюбленным наводило на нее грусть...

5

Фатима лежала в темной комнате с закрытыми глазами, но уснуть не могла. После того, как ей исполнилось пятнадцать, Фатима боялась спать дома. На другой вечер после дня рождения, в тот вечер, когда ее в подъезде зажал Колька Скворцов, она пришла в свою комнату, что-то буркнув отцу, разделась и легла на розовую курпачу. Проснулась от ужаса.

В проеме двери в темноте кто-то стоял. Она не видела, но чувствовала тяжелый, страшный взгляд. Фатима закричала, закуталась в курпачу. Этот кто-то исчез. Она встала, зажгла свет. Дрожа от страха, оделась, закрыла дверь.

Приперла ее стулом. Так и просидела до утра, забившись в стеганную шелком вату. Наутро отец спросил:

- Ты что ночью кричала?
- Кто-то в дверях стоял. Я испугалась.
- Ты, случайно, дрянь, курить не начала?

Галлюцинации у тебя, – ответил Вахид, надел китель и ушел на работу.

После того случая Фатима перед тем, как лечь спать, придвигала к двери стул. Понемногу страх ночи забылся. А три дня назад повторилась та же история. Но Фатима подготовилась. Под подушку она припрятала большой нож из кухни. Увидев в проеме двери фигуру, выхватила нож и бросилась вперед. Дверь перед ее носом захлопнулась. Фатима несколько раз ударила в дверь клинком, потом снова привалила ее стулом и расплакалась. Нервы не выдержали.

Сегодня она опять не могла уснуть. Нож из кухни исчез, но она припасла заточенный напильник. Напильник Фатима выпросила у Хачика, предводителя школьной ватаги. Хачик давно поглядывал на нее, как кот на сметану.

Фатима строила ему глазки, но гулять с Хачиком отказывалась... Ночь прошла спокойно. Утром она заварила чай и позавтракала с отцом.

За завтраком Вахид не сказал ни слова, а только косо поглядывал, прихлебывая чай.

Фатима проводила Вахида на работу, но в школу не пошла, а отправилась на базар. Проехав на автобусе зайцем до старого города, Фатима купила в киоске жвачку, развернула, кинула в рот и зашагала по пыльному проходу между глиняными крепостями узбекских жилищ. Геометрия высушенных солнцем белесых стен привела к базарной площади. Еще не доходя до базара, стали попадаться продавцы сладостей. Старый узбек сидел на корточках с попугаем на плече. Попугай мог вытащить бумажку с предсказанием судьбы. Прямо в пыли валялась гора кокандских арбузов. Тихая высохшая женщина с закрытым до носа лицом сидела возле арбузов с видом безнадежной покорности. Покупателей не было. Сегодня не базарный день, народу мало. Вот в четверг тут не протолкнуться.

Фатима миновала торговцев зеленью, прошла через хлебные ряды. По дороге стянула лепешку, вынула изо рта жвачку, завернула ее в обертку и зашагала, ломая лепешку и забрасывая по кусочку в рот. Проходя фрукты, украла сочную грушу. Сухая лепешка застревала в горле. Старый узбек, заметив воровство, покачал головой:

- Зачем так делаешь... Попроси, я сам дам.

Такой красивый девочка, так нехорошо делаешь.

Узбек принял Фатиму за русскую. Ее все незнакомые принимали за русскую. Рыжие волосы, зеленые глаза, белая кожа – узбечки такие не бывают... Фатима оглянулась, показала старику язык и грязно ругнулась на чистом узбекском. Продавец вытарашил глаза...

Миновав площадь с провиантом, Фатима через узкий проход в глиняных стенах попала на рынок, где торговали вещами. Вещи начинались с сапожных рядов. Мягкие узбекские сапожки без каблука на тонкой подошве из конской кожи Фатиму не интересовали. Такие сапожки узбечки в аулах носят с калошами.

Войлочные ковры Фатима также оставила без внимания. Эти ковры, толстые, как валенки, с зигзагами красного, желтого и зеленого, несли в своем орнаменте вековой народный символ, европейцу неведомый. Фатима немного знала об этом, но народного творчества терпеть не могла. Она шла к месту, где торговали заграничными шмотками. Вдоль глинобитного забора в глубокую белую пыль колесами вросли грузовые лавки. В сплошь завешанных кофтами, плащами, юбками, джинсами возвышениях трудно разглядеть обыкновенный грузовой автомобиль. Фатима направилась к автолавке с обувью. Итальянскими моделями торговал молодой армянин со щеточкой усов под носом и масляными глазами.

Фатима попросила померить светлые серые туфли на высоком узком каблуке. Армянин открыл коробку:

– Давай помогу. На такую ножку любой туфель сесть рад. – Армянин попробовал прихватить Фатиму за коленку, но девочка фыркнула, и армянин решил удовлетвориться только торговым интересом. Фатима померила и черные блестящие туфли на мощном каблуке, которые теперь начали входить в моду, потом зеленые...

– Может, у тебя денег мало, красавица? – спросил продавец, подавая следующую пару. – Ты скажи только слово, я тебе любые туфли подарю. Немного меня полюби и все...

– Как немного? – спросила Фатима.

– Всего один разик. Пойдем в кабину...

– Ишь чего захотел, черный кобель! – сказала Фатима по-узбекски и перешла к другой машине. Армянин не знал узбекского и ничего не понял. А Фатима уже мерила кофты.

Два узбекских парня, примеряя джинсы с соседней автолавки, обратили на Фатиму свое мужское внимание и, думая, что она не понимает языка, громко поделились впечатлениями:

– Хорошая русская овечка! Я бы с ней поспал... – сказал мечтательно один, что повыше.

– И я бы не отказался, – продолжил другой, но Фатима не дала ему договорить:

– Не с вашим рылом за мой достархан! – и скорчила им рожу.

Пристыдив ухажеров, девочка пошла примерять темные очки. Продавец очков, матерый узбек, не первый раз видевший Фатиму на базаре, очков ей не дал:

– Ты, девочка, товар только пачкаешь.

Я тебя давно знаю... Мерить меряешь, а не покупаешь...

Фатима отошла, подумав, что в базарный день она нахала проучит:

– Пар пять упру. Тогда посмотрим, только ли я примеряю...

Примерять шмотки стало главным развлечением Фатимы почти год назад. Тогда же она потихоньку стала подворовывать. Один раз ее словили и привели в милицию, но, выяснив, что она дочка Вахида, отпустили. Вечером Вахид Фатиму выпорол. С тех пор она домой украденные тряпки не таскала, а прятала их у подруг и надевала на подростковые гулянки.

И сегодня она покинула базар не с пустыми руками. Тонкий индийский платок с блестками лежал между маленькими девичьими грудками. Платок Фатима носить не собиралась.

Девочка подошла к кинотеатру имени Навои, что на площади перед старым городом, и за платок получила у кассирши билет и право в буфете выпить соку с булочкой и прихватить шоколадку на сеанс. Крутили двухсерийный индийский фильм. Фатима пустила слезу, посочувствовав героине, которую толстый неприятный злодей уволок у красивого любимого парня с тонкими усиками. Потом, довольная, что злодея разорвал на кусочки тигр, съела шоколадку и, радуясь хеппи-энду, покинула зал. Жара стояла несусветная, и Фатима пошла купаться к фонтану возле обкома партии.

Жирный постовой, охранявший вход в здание обкома, Фатиму знал как дочку Вахида и делал вид, что ничего не замечает. Освежившись, Фатима пошла в школу на последний урок физкультуры. Тимур Абдурахимович две недели лежал в больнице, поэтому урок физкультуры ребята проводили в саду, болтая, покуривая и проявляя первые признаки половой зрелости. Фатима направилась прямо в сад.

Ребята, окружив Кольку Скворцова, тянули «дрянь», напихав ее в папиросы «Казбек». Папироску передавали по кругу. Скворцов кинул на Фатиму страстный взгляд и отвернулся.

Хачик приветствовал ее с блаженной улыбкой.

Парень уже был под кайфом.

– Кому воткнула в бок мою заточку? – спросил он беззлобно.

– Можно, я ее еще подержу? – попросила Фатима и пошла на скамейку к девочкам.

Тоня Семенова рассказывала, как вчера была на дискотеке. Фатима не слышала начала и попросила рассказ повторить.

– Чего на уроках не была? – спросила Тоня.

– Не захотелось, – ответила Фатима.

Тоня Семенова принялась повторять рассказ, как в саду появились узбекские мальчишки. Скворцов с Хачиком выбросили курево.

Хачик затоптал папиросу.

– Будет драка, – тихо сказала Тоня.

– А нам чего делать? Давайте убежим? – прошептала Лида.

– Их шесть и наших шесть. Пусть сами разбираются. – Фатима узбекских ребят хорошо знала. Она перешла в русскую школу только в прошлом году. В узбекской надоело слушать ехидные вопросы. Почему ты, русская, стала узбечкой и тому подобное.

Мальчишки, как петухи, встали друг против друга и пока задирались словесно.

– А если наших будут бить, ты за кого заступишься? – спросила Тоня.

– Не знаю, – ответила Фатима. – Наверное, за русских.

Стычки узбекских и русских мальчишек возникли полгода назад. Начали, как всегда, взрослые. Узбекистан понемногу переставал существовать в качестве части империи.

Хачик ударил первым. Хачик всегда бил первым. Шухрат покачнулся, но устоял и ударил Хачика в живот. Началась потасовка. Девочки встали со скамейки, но близко подойти боялись. Кто-то из мальчишек упал. Поднятая пыль не давала разглядеть – кто. Мальчишки дрались молча. Только слышались кряхтенье и шлепки ударов.

Вдруг из клубка потасовки вырвался жуткий крик. Мальчишки кинулись врассыпную.

В пыли остался один Хачик. Парень стоял на четвереньках и выл. Из зажатого рукой бока хлестала кровь. Девочки окружили Хачика.

– Шухрат меня заточкой, – протянул он сквозь зубы. Заточенный напильник с каплями крови тут же валялся в пыли.

Хачика привели в школу и положили на лавку у раздевалки. Через пятнадцать минут приехала «скорая». Больница была от школы через квартал. Хачика увезли.

Фатима молча шла с девчонками и думала про напильник, который Хачик ей вчера отдал.

Будь заточка у него, неизвестно, как бы все повернулось. Вечером Фатима допоздна сидела у Тони. Девочки смотрели телевизор. Фатима тянула время – она боялась идти домой. Боялась, что ночью он опять придет. Фатима подозревала, что ночной призрак не кто иной, как ее отец. Но отец ли он? Все говорят, что она на узбечку не похожа. Фатима слышала, что мать бросила ее. Сбежала с другим мужчиной. Но где-то в глубине сознания вставала страшная ночь. Мама лежит голая на курпаче. А изо рта вываливается синий язык. Пана, тоже голый, страшными глазами смотрит на нее. Скорей всего, это просто страшный сон. Но с той ночи Фатима стала бояться отца. Девочка чувствовала, что говорить об этой страшной ночи никому не надо.

Сон стал забываться. Возник он снова прошлой осенью. Ребят всем классом повезли убирать хлопок. На поле возле большого арыка они жили неделю. Фатима терпеть не могла эту монотонную работу – ходить с мешком по рядам и рвать ватные коробочки. Она часто удирала и, забившись в поле, укладывалась влежку, глядела на небо, жевала стебельки. Однажды, лежа на животе и разглядывая длинного рябого кузнечика, девочка заметила кусочек металла. Ржавый, забитый глиной кружок заинтересовал Фатиму. Она пошла к арыку, отмыла железяку, отскребла песком. Кусочек металла превратился в брошку. Фатиме казалось, что она эту брошку где-то видела раньше. Фатима привезла брошку домой и положила на свой шкафчик рядом с другой дешевой бижутерией, скопившейся за недолгую девичью жизнь. Однажды отец заметил брошку.

– Где ты это взяла? – спросил он зловещим голосом.

– На поле, возле арыка нашла, – ответила Фатима.

– Никогда не таскай в дом разную гадость! – крикнул отец. Фатима, удивленно посмотрев на Вахида, увидела страшный взгляд. Так отец смотрел на нее той ночью.

Фатима вернулась домой около десяти, отца дома не застала. Прошла в свою комнату, приставила к двери стул, достала из-под шкафа заточенный напильник и спрятала под голову. Не раздеваясь, улеглась на курпачу и закрыла глаза. Вспомнила драку в школьном саду. В шесть часов утра в городской больнице Хачик умер.

6

– Ма, дай поесть! Я на зорьку опаздываю! – еще не установившимся басом заявил Антон.

Шура снизу вверх поглядела на парня.

– Успеешь, не уплывут твои лещи. Выловишь...

Антон, около двух метров ростом широкоплечий, со светлым пушком над верхней губой, оставался совсем ребенком. Шура улыбнулась на обиженные детские нотки в голосе Антона и сняла с плиты огромную сковороду с картошкой, Жареный лещ, выловленный вчера, уже красовался на блюде.

– Ма, а мяса нет? Рыба надоела, – проворчал Антон, усаживаясь за стол и с трудом пристраивая между столешницей и полом свои коленки. Кроссовки сорок шестого размера неуклюже просунулись с другой стороны стола.

– Зачем ловишь рыбу, если не, ешь? – заметила Шура, но достала из холодильника батон копченой колбасы и нарезала крупными кругами.

– Спасибо, ма, – поблагодарил Антон, уже успев набить рот.

– Руки не мыл? После навозной кучи с червяками прямо за стол! – покачала головой Шура.

– Я мыл, ма... Только сразу их не отмоешь, а времени нет.

Антон говорил с волжским оканьем. Шуру, за столько лет отвыкшую от местного говора, речь парня смешила.

Дожевывая на ходу, Антон выскочил из-за стола, вышел на крыльцо, схватил удилица, весла и бегом вниз. Через минуту на крыльце появилась Шура с соломенной шляпой в руках.

– Сынок! Башку напечет! Шапку забыл! – крикнула она вдогонку. Но Антон уже ловко вскочил в «Казанку», отпихнулся веслом и крутанул шнурком движок.

– Не напечет! – услышала Шура сквозь рычащее бульканье работающего на холостом ходу мотора.

Антон включил передачу, «Вихрь» взвыл, задрал нос лодки, и «Казанка» понеслась прямо на огненный шар восходящего солнца. Шура хотела вернуться в дом, но залюбовалась на розовый снег цветущих яблонь. Небольшой, но добротный, строенный своими руками, а если точнее – руками Алексея, домик утопал в цветущем саду. Груши еще не вошли в цвет, зато вокруг яблонь, смороды и крыжовника повсюду вились пчелы. В саду стоял мерный гул. Шура взглянула на Волгу.

Возле пристани осталось и растекалось по воде облачко голубого дымка от уплывшей лодки. Протяжный пилящий звук медленно растворялся, как растворилась в тумане и сама лодка.

«Под остров поплыл», – подумала Шура.

Антон был ее слабостью. Шура души не чаяла в парне. Обычно симпатии родителей остаются за младшими. «До чего ж они разные, – размышляла Шура, выдергивая молодую крапиву возле малины. – Младший, Вася, хитрован, с ленцой. Вот и сейчас, Антон на реке, а Вася спит. И еще долго будет спать. Хорошо, если проснется к ее возвращению. Но Вася нежный, умеет подластиться».

Ребята сразу стали звать Шуру мамой. За два года, что они не видели родную мать, мальчишки ее подзабыли. Алексей не скрывал от сыновей, что Шура его вторая жена.

– Бывают просто матери, а бывают настоящие, – сказал он мальчикам, когда пошел третий год их совместной жизни.

Так и повелось: настоящая мать – Шура.

Всю нерастраченную женскую щедрость, отпущенную Богом женщине на материнство, она отдала им. Понемногу чувство страха и тревоги Шуру отпустило. Только изредка, по ночам, когда Алексей уезжал в свои поездки, сердце вдруг сжималось.

Шура вернулась в дом, открыла шкаф в спальне и переоделась в брюки и мужскую рубашку. Она любила ездить в город в мужских рубашках. Алексей над этой причудой посмеивался, но из каждой поездки привозил по сорочке, всегда нового фасона и цвета. В большой ванной комнате Шура подкрасилась возле зеркала.

Пес Стенька два дня как удрал, видно, появилась в округе заинтересованная в кобелином внимании сучка. Шура вылила из миски застоявшийся суп и открыла гараж. Антон вчера отмыл машину. Отмыл до медицинской стерильности. Пропылесосил салон, вынул и помыл резиновые коврики. Старенький «Жигуленок» сверкал, как новенький. Когда мужа нет, Шура могла не волноваться: сын все проверит, зальет бензин, подкачает колеса. Если Алексей дома, мужики колдуют в гараже вдвоем.

Четырнадцатилетний Вася, на удивление родителей, к машине никакого интереса не испытывал. Даже кататься не очень любил. Антон же давно сидел за рулем как заправский шофер. Теперь, когда ему стукнуло шестнадцать, можно получать права – и еще один водитель в доме.

По воскресеньям Шура ездила в город на рынок. Алексей терпеливо обучал ее водить машину. Сперва не получалось. Она тупо жала на газ вместо тормоза, жгла сцепление. Машина в ее руках дергалась, как старый паралитик. Но Алексей не ругался, а ежедневно часа два терпел, сидя рядом. Поехала Шура как-то сразу. Теперь она водила нормально, но осторожно, старалась без нужды не обгонять.

Шура открыла окно, вдоль дороги над полями журчали жаворонки. Перепелки перебежали почти под колесами. Шура старалась не жать, чтобы не давить живность. Весной птицы и мелкие зверюшки теряют голову... Когда-то в юности от весны и она шалела. Теперь стала встречать ее со спокойной радостью. Ликовать Шура боялась, чтобы не спугнуть, как она считала, незаслуженное счастье.

Шура затормозила перед «Волгой». Несколько машин дремали возле автоматического шлагбаума. Шура заглушила мотор. Звон жаворонков заполнил кабину, ударил в уши.

Казалось, все небо звенит и переливается птичьей радостью. Издали нарастал новый шум.

Тяжелый грузовой состав нес сотню вагонов, жуткой тяжестью наваливаясь на степь. Сначала железный грохот съел звон жаворонков, потом тяжелым рокотом металлических соединений покрыл всю степь. Казалось, нет конца этой рокошующей махине. Но вот пробежали по стыкам колеса последнего вагона и грохот стал удаляться, переходя в перестук, затем снова выплыла с неба песня жаворонков. Шлагбаум открылся, и даже как-то жалко было нарушать эту звенящую птицами тишину шумом двигателя.

Шура, перед тем как отправиться на рынок, заехала на почту. Адреса своего она никому не давала, но сообщила родителям адрес местного Главпочтамта. Любые дела в городе Шура начинала с окошка «до востребования». Девушка подала ей конверт. В конверте оказалась странная квитанция или какой-то чек. Шура спросила: не ошибка ли это? Девушка полистала карточки с абонеменами. Однофамильцев с одинаковыми именами в картотеке не нашла.

Шура сунула конверт в сумку, решила, что дождется Алексея. Возможно, он разберется. Покупала в городе Шура по списку. Если делаешь покупки раз в неделю – многого не упомнишь. Перед тем как вырулить с почтовой стоянки, Шура проглядела список и еще раз осмот-

рела конверт и квитанцию. Внизу стоял телефон для справок. Шура зашла в автомат и набрала номер.

– Слушаю, – ответил женский голос.

Шура объяснила, что не понимает смысла бумаги.

– У вас машина «Жигули»? – спросил женский голос.

– Да, – ответила Шура, по-прежнему не понимая, о чем речь.

– Подождите у телефона.

Пожилой мужчина с собачкой стал проявлять у автомата признаки нетерпения. Длинная собачка на коротких лапах уселась, показав пузо с сосками и тонкий розовый язык. Собачка тяжело дышала. Весеннее солнце припекало по-летнему. «Что же будет днем, если утром такая жара», – подумала Шура...

– Тут непонятно, – прорезался женский голос. – Ваш муж или вы заказывали деталь в нашей мастерской?

– Я – точно не заказывала, – ответила Шура.

– Не могли бы вы к нам подъехать? На месте разберемся...

Шура записала адрес и уже четверть часа крутилась по окраинам. Маленькая мастерская, скорее небольшой оптовый склад автомобильных запасных частей, притулился сбоку бывшего клуба. Теперь клуб арендовал банк, а маленькую комнатку с отдельным входом занимала фирма, отправившая квиток. Возле клуба Шура заметила несколько машин. Кроме «Жигулей» пожарным цветом лупила в глаза маленькая иномарка.

В фирме Шуре минут двадцать морочили голову. Выходил то один работник, то другой.

Так и не найдя концов и ни в чем не разобравшись, Шура подрулила к рынку.

«Какая-то чертовщина», – подумала она, вновь принимаясь за изучение списка. Квиток в фирме забрали. Сказали, сами еще раз все проверяют...

Покупки Шура сперва сделала самые скучные – крупы, вермишель, ящик зеленого горошка. Рынок состоял из коммерческих киосков, маленьких магазинчиков, разных павильонов. Теперь рынок совсем не такой, как в Шуриной молодости. Тогда было все просто.

Ряды с молоком, ряды с мясом и ряды с овощами... В деревенской юности Шуре доводилось бывать на Калининском рынке, но не в качестве покупателя, а продавцом. Осенью, когда резали кабанчиков, или весной с телятиной.

Овощи и молоко в деревне свои... Картоху Шурино семейство не продавало. Самим надо и скотине. Скотину кормили и хлебом. По деньгам это был самый выгодный корм. Но хлеб в Селище привозили не всегда...

У Шуры от приездов на рынок осталась в памяти маета. Пока обойдешь все рыночное начальство, пока получишь нужные справки – половины кабанчика нет... Взятки с крестьян брали натурой. Теперь Шура бродила по другому рынку. Что рынок? Вокруг другая страна.

В одном месте цены одни, а там – вполтину.

Шура умела экономно делать запасы. Крестьянская смекалка, затыренная городской жизнью в дальний мозговой отсек, теперь пригодилась...

Толкаясь в торговой суете, унося закупленное частями в машину, Шура забыла странную фирму и квиток на ее имя. Половину покупок Шура совершила, осталась нижняя часть списка... Кофе в зернах, гостинцы для ребят, немного косметики для себя и в конце самое приятное – рассада цветов. Шура искала корень розового пиона... В пустом магазинчике, где торговали дорогими напитками и разными сортами кофе, Шура заметила парня в кожаной куртке. «Как ему не жарко», – подумала Шура. Подумала и забыла. Она выбрала для Алексея красивую бутылку финской водки.

Алексей, приехав из командировки, любил выпить рюмку ледяной водки. Потом, возле кондитерского лотка, она опять заметила «кожаного» парня. В груди защемило. «Началось», – шевельнулась мысль. Шура ждала каждый день. Иногда забывала, иногда казалось, раз прошло

столько времени, теперь чего? Но это снаружи. А внутри всегда ждала. Неужели сейчас, когда в жизни сложилось простое бабье счастье, ее достанут?

Шура не думала о формах расплаты: суд, тюрьма или, по новой моде, ей просто оторвут голову. В конкретную форму Шура свою расплату не облакала. Ее ждет нечто ужасное и все...

Шура плюнула на корень пиона и на косметику. Петляя между палаток, выбежала на стоянку. «Жигуленок» завелся и прыгнул. Прыгнул и заглох, как в первые дни учебной езды.

Шура собралась, мягко отпустила сцепление.

Выезжала, поглядывая в заднее стекло. Вроде никого... Может быть, показалось... Подумаешь, парень в коже прошелся немного. Понравилась.

Решил приклеиться... Она еще баба не старая.

А в брючках, при марафете, за тридцатилетнюю сойдет. «Зачем сразу ужасы придумывать?» – успокаивала себя Шура. Но сама не верила. Вела машину нервно, спешила. Если за мной до переезда никого – газану домой. Если что замечу, направо к парому... Обогнала грузовик, «Москвич» с прицепом. Вот и пост ГАИ.

Притормозила, проверила ремни. Скорость сорок – гаишник отвернулся. Старенькие «Жигули» его не интересовали. На дороге полно «Мерседесов» и «девяток». В них крутые ребята. С крутых и зелененькую можно взять...

Миновала переезд. Шлагбаум открыт. Повезло. Посмотрела в зеркало – никого. Скорее домой. Нажала до сотни. Больше боялась, и Алексей не велел – машина не новая. Отлетит колесо и привет... Поднялась на холм, до дому километров пять. С такой скоростью две минуты. Снова поглядела в зеркало. На холме маленькая красная точка. Посмотрю еще раз.

Что это? Она идет под сотню, а точка увеличивается так, будто ее «Жигуленок» стоит. Вот машина уже сзади. «Где-то я ее видела», – вспомнила Шура. Красная машина пошла на обгон и вдруг резко вправо.

Шура ударила по тормозам. Остановились вместе. У красной иномарки след от ее бампера. Не очень сильный, но вполне заметный.

Не сомневалась, что из машины выйдет парень в коже. Но вышел совсем другой человек, плотный немолодой мужчина, стриженный с затылка.

– Вот, – сказал он грустно, – Попортила мне товарный вид. Что с тобой делать? Знаешь, какой это редкий цвет? Придется из Японии краску выписывать.

– Вы сами виноваты! Подрезали... Так не обгоняют, – сказала Шура, думая, где она видела эту машину... Конечно, возле злополучной фирмы.

– Сколько я должна? – спросила Шура, понимая, что дело теперь вовсе не в аварии.

– Я женщину грабить не собираюсь. Давай все по закону. Приедет ГАИ, выпишет справку. Со справкой я обращусь в автосервис. Там ущерб оценят, тогда и разберемся... – Мужчина заложил руки в карманы и снова грустно посмотрел на Шуру.

– Откуда тут ГАИ возьмется? Так до ночи и простоим, – сказала Шура.

– Зачем до ночи... Вон, уже едут...

Шура поглядела на дорогу. С холма, как по мановению волшебной палочки, мигая синими огоньками, спускалась «девятка» ГАИ. Рядом с инспектором сидел парень в коже. Инспектор составил акт на удивление быстро. Шуре пришлось написать свой домашний адрес и расписаться.

– До встречи, – сказал грустный человек со стриженным затылком, сел в свою машину и, мастерски развернувшись, помчался в сторону города. Машина автоинспекции последовала за ним.

Шура приехала домой бледная и расстроенная. Она даже не смогла сделать вид, что радуется двухкилограммовым лещам, отловленным на зорьке Антоном и уже отскобленным и выпотрошенным. Вася помогал Шуре выгружать покупки. Этот процесс он очень любил, поскольку мог первым получить гостинец.

Шура спешила приготовить обед. Сегодня вечером Алексей должен вернуться из своей поездки. Все валилось из рук. Счищая кожуру с картошки, Шура порезалась. Пришлось залепить палец пластырем.

– Я сегодня сделала аварию, – сообщила Шура мальчикам. Антон тут же побежал в гараж.

– Ничего не заметно, – удивился он, вернувшись.

– У меня не заметно, а на японской иномарке краска содрана.

– Как получилось? – допытывался Антон.

Шура что-то буркнула. Мальчик понял, что лучше под руку не попадаться, и ушел в сад.

Вася уселся смотреть детектив по телевизору.

«Если Алексей не приедет, я этой ночью одна оставаться боюсь», – поняла Шура. Все, что произошло сегодня, произошло не случайно.

Они специально прислали дурацкую открытку, чтобы я проявилась...

– Какая же я дура! – ругала себя Шура, кромсая овощи в салат. – Попалась, как школьница... Они хотели узнать, где я живу.

Вот и узнали. Теперь жди гостей... Надо молить Бога, чтобы Алексей не задержался!

И вдруг Шура осознала: придется все рассказать Алексею. Рассказать, что она натворила той ночью, открыть свое подлинное лицо.

Как отнесется Алексей, узнав, что живет с женщиной, способной на такое.

– Ма, суп бежит, – баском предупредил Антон, проходя мимо кухни.

Шура стояла возле плиты и не видела. Она выключила газ, взяла тряпку, принялась мыть плиту, да так и застыла с тряпкой в руках.

«Возьмет и прогонит, – думала Шура, – и правильно сделает. Так мне и надо. За все в жизни приходится платить. Пропеть решила, как птичка». Шура не могла заниматься стряпней. Она пошла в спальню, улеглась в халате на диван и лежала, не шевелясь. За окном стемнело. Несколько раз заглядывали мальчики, но, решив, что мать спит, на цыпочках уходили.

Залаял Стенька. «Жрать захотел, прибежал», – улыбнулась Шура. Стеньку подобрал Антон в городе. Они все вместе обедали в кафе «Стенька Разин». На улице за ними увязался щенок. Увязался до машины. Когда открыли дверцу, он прыгнул назад и затих на полу.

Шура хотела выгнать щенка – больно уж неказист. Уши висели, как у ослика. В спутанной шерсти угадывался блошинный рай. Но Антон сказал: «Он наш гость. Как можно прогнать гостя?» Так появился Стенька.

Лай становился все громче, потом перешел в радостный визг. «Алексей приехал, – поняла Шура. – Будь что будет», – сказала она сама себе и пошла встречать мужа. Обняв жену, Алексей заглянул в заплаканные глаза Шуры, отстранил ее от себя, еще раз внимательно посмотрел и спросил:

– Сашка, что у нас стряслось-приключилось?

– Папань, ма аварию сделала, – пробасил Антон. – Папань, ерунда... На нашей машине ничего не видать... Зря она переживает.

– Не ушиблась? – спросил Алексей, сразу направляясь в ванную. – Аида со мной, пока буду пыль отмывать, расскажешь. Заодно спину потрешь...

Выслушав всю историю, Алексей раздумчиво сказал, намылив бок:

– Я всегда знал, что ты в молодости чего-то натворила. Не хотел лезть с расспросами.

Помнишь, я тебе еще в поезде сказал: захочешь, расскажешь...

– Что же теперь делать? – спросила Шура, вытирая мускулистую спину мужа.

– Я тебя почти десять дней не видел, а ты спрашиваешь, что делать? Иди ко мне...

– Нехорошо, парни не спят, – не очень уверенно возразила Шура.

– Очень даже хорошо, – перебил Алексей. Снял с жены халат, взял за локти и поставил в ванную. Шура почувствовала, что земля уходит из-под ног, и она летит, нарушая все законы земного притяжения. Шура терлась щекой о светлую шерсть на груди Алексея, и все тревоги и

заботы покинули ее. В этот момент Шура никого на свете не боялась. Вода из теплой перешла в прохладную, затем в ледяную.

Электрический бойлер израсходовал весь свой запас, но Шуре было жарко.

Алексей с удовольствием выпил рюмку ледяной водки, поклевал салат, от супа отказался – по дороге закусил.

В спальне Шура спросила:

– Тебе не противно спать с такой гадиной?

– Тебя обидели, ты отомстила... Плохо, если это коснулось ни в чем не повинных людей. Если их судьба не нарушилась, можешь спать спокойно.

– Но вся эта история с красной машиной?

– Поживем-увидим... Тебя подставили бандитским приемом. Прием известен. Чаще всего его применяют, чтобы потом тянуть деньги. Но здесь, похоже, что-то другое. Подождем, скоро сами скажут, что им надо. Дело может касаться совсем не тебя.

– Ты о чем? – не поняла Шура.

– Время покажет. Давай спать.

Перед сном Шура вынесла миску с супом Стеньке. Алексей уже посапывал, подложив ладонь под щеку. «Намаялся мужик», – пожалела мужа Шура, выключая свет маленькой лампочки возле постели. Шура заснуть не могла. Она лежала и прислушивалась. По Волге плыл туристический. Тихий гул двигателя забивала музыка, туристы веселились. Пароход проплыл, и все стихло.

Только плеск подмятой пароходом массы воды с шелестом накатывал на берег. В поселке залаяла собака. Стенька два раза гавкнул, нехотя исполнив работу по собачьей солидарности. Стеньку Шура посадила на цепь.

Пес был так поглощен ужином, что даже не обратил внимания на этот ущерб собачьей свободе. Стенька вырос неплохим сторожем.

Только природный кобелиный зов иногда перевешивал чувство долга. Тогда пес смылся. Возвращался грязный, голодный, с драными боками, но удовлетворенный. После таких отлучек, чувствуя вину, Стенька долго не покидал будку. Шура привязала собаку, потому что боялась... Она боялась непрошенных гостей.

Камень с души свалился. Теперь Алексей знал ее тайну. Узнал и не удивился... «Воспринял, как обыкновенное житейское дело», – подумала Шура с нежностью. Но еще больше затревожилась... Ее поступок ставит под удар семью.

Шура вспоминала слова мужа: «Дело может касаться совсем не тебя». Что он имел в виду?

О работе Алексея Шура знала очень немного.

Алексей последние два года зарабатывал хорошо. До этого ему пришлось работать механиком в колхозной мастерской. Отрабатывать халупу, которую им поначалу выделил председатель. Потом Алексей на месте халупы выстроил дом. Работал по двадцать часов в День.

Днем на колхоз, вечером на стройматериалы.

Для стройки вылавливал каждую свободную минуту. Пришла демократия, и колхоз развалился. Алексей получил свободу. Теперь каждый сам по себе. Алексей устроился на фирму.

Возил с напарником стройматериалы. Часто бывал даже в Москве. Представить себе, что люди, связанные с Алексеем, доставали его таким странным путем, невозможно...

Шура прислушалась. Стенька глухо зарычал. Шура надела тапочки и тихонько подошла к окну. Круглая нахальная луница залила своим утробным светом весь сад. На степь садился туман. В поселке вокруг фонаря стоял мутный шар. «Завтра будет еще жарче», – отметила про себя Шура. Стенька снова зарычал.

Шура увидела, как собака натянула цепь, сделав стойку в сторону калитки. Шерсть на загривке пса приподнялась. Шура не видела, но знала, что пасть собаки приоткрыта, и желтоватые молодые клыки угрожающе поблескивают.

Шура, напрягая зрение, всматривалась в темноту. На столбе у калитки что-то сверкнуло. Шура не сводила глаз с этого места и, наконец, разглядела два наглых кошачьих глаза.

Черный кот из поселка часто по ночам приходил проверить Стенькину миску. Кота кормили плохо, и он искал на стороне.

Дом Шуры и Алексея стоял на отшибе. До поселка метров пятьсот. Раньше здесь в халупе спивался одноглазый Михеич – одинокий дед, прошедший войну и загубивший себя зеленым змием в самые переменные времена.

Семья Шуры Михеича в живых не застала. Но, получив у председателя его халупу под жилье, Шура, расчищая холостяцкое логово старого пьяницы, по худому наследству почувствовала одинокую нехитрую жизнь. Единственное, что сохранила Шура из вещей: образ Николая Угодника и две медали за военную доблесть.

Икону Шура не повесила. Потемневший святой напоминал о грехе. Доску она завернула в чистое полотенце и спрятала вместе с наградами. Остальное барахло для дальнейшей жизни интереса не представляло. Чайник распаялся и подтекал. Гардероб хозяина и на помойке мог скомпрометировать любого бомжа. Драную телогрейку с солдатскими портками и засаленной ушанкой Шура сожгла на костре.

Консервные банки, в основном от кильки в томате, они с Алексеем закопали. Иногда попадались банки от шпрот. Видно, Михеича угощали соседские забулдыги по праздникам. В ту же яму пошла жестяная коробка с катушкой подгнивших ниток, двумя ржавыми иглами и пузырьками от махорки. Бутылки Михеич сдавал и тем облегчил труд Шуре. Икону и медали Шура хранила из уважения. Да еще на случай, если найдется кто из родни...

Шура постояла у окна. Стенька успокоился и, покрутившись на месте, гремя цепью, калачом свернулся у будки. По шоссе проурчала машина. Шура осторожно юркнула под одеяло и через минуту заснула.

Утро началось в домашнем кружении.

Мальчики ушли в школу. Алексей искрил сваркой возле теплицы. Он никак не успевал ее закончить. Шура рыхлила землю вокруг двух прошлогодних яблонек и с жалостью поглядывала на пустое лысое место, куда собиралась посадить пион. «Не купила, теперь жара – сажать поздно», – думала она.

И опять вспомнилась поездка на рынок.

Антон пришел из школы хмурый. Бросил в доме свою сумку, буркнул, что есть не хочет, и спустился к реке. Шура никогда сама не спрашивала у ребят о происшествиях в их мальчишеской жизни, захотят – расскажут.

С Волги донеслось нестройное мужское пение. Певцы никак не могли уложить вместе ритм и мелодию.

Рановато начали праздновать... День Победы еще через три дня, – улыбнулась Шура.

Шипенье сварки заглушило песню. – Пора собирать обед, – решила она и направилась мыть руки.

Антон с выпученными глазами что-то кричал отцу. Тот, поглощенный сваркой, не слышал. Антон запыхался, он только прибежал с речки. Алексей потушил горелку, и сразу со стороны Волги донеслись истошные крики.

– Па, там лодка перевернулась, мужики тонут. – Алексей с Антоном, схватив багор и весла, скатились к пристани. Рычанье «Вихря» заглушили крики. Шура побежала за ними.

Когда спустилась к мосткам, «Казанка» уже летела к середине реки.

Шура села на скамейку у мостков и стала ждать. Река сверкала на солнце, и она из-под ладошки видела возню темных точек недалеко от бакена. Женщина не стала надевать часы,

чтобы не портить их во время садовой работы, и теперь не знала точного времени. Боялась, как бы не пошла «Ракета». Рейсовый катер на подводных крыльях еще продолжал курсировать два раза в день, хотя пассажиров становилось все меньше – цена отпугивала. Шура принялась вычислять время. Антон пришел минут двадцать назад. Сегодня вторник, он учится до двух. Почему Вася не пришел?

У младшего уроки кончаются на час раньше...

Но сейчас она волновалась за Антона и Алексея и о Васе не думала.

Плавают оба хорошо, но, вылавливая пьяниц, могут не заметить «Ракету». Она проходит здесь без пятнадцати три. Вот блестящий клинок вынырнул из-за поворота и, поднимая пенный хвост, помчался по фарватеру. Шура замерла и сжала побелевшими руками кругляк перил мостка. Капитан заметил неладное. Истошно завывла сирена, судно упало с крыльев на брюхо и, замедлив ход, к бакену подплыло тихо, по инерции. Двигатель пыхтел и заглушал голоса.

Медленно пройдя за бакен, «Ракета» вновь, высовывая лапы крыльев, помчалась дальше. Вот и вой «Вихря». «Казанка» коснулась причала.

Трое мужиков, мокрых, с тупыми безразличными лицами, сидели в лодке. Четвертый – в синей облезлой рубашке – лежал на лавке, задрал острый кадык. Алексей рывками давил ему на грудь. Причалив, Антон стал помогать отцу.

Шура поняла, что мужик нахлебался, но пока она думала, чем помочь, тот пустил воду и ошалело открыл глаза.

– Они с того берега, придется отвезти. Их лодка на дне, – сообщил Алексей и добавил:

– Горе-рыбачки!

Шура не хотела оставаться дома одна и тоже уселась в лодку. С ветерком пересекли реку. Мужики молча вылезли, угрюмо поблагодарили и поплелись вверх по тропинке в свою деревню.

– Давайте, спасатели, к дому, – забеспокоилась Шура. – Васька придет из школы голодный.

– Не придет, – мрачно сказал Антон.

– Как, не придет? Он с утра не евши! – Когда Шура начинала волноваться, из нее выскакивали деревенские словечки.

– Он больше вообще не придет, – добавил Антон и отвернулся.

– Что? – не понял Алексей. – Ты о чем, сынок?

– Васька уехал с матерью. Соблазнился...

– Какой матерью?! Что ты несешь? – крикнула Шура.

– Не голоси. А ты, Антон, рассказывай все. – Голос Алексея задрожал. Но он сделал над собой усилие и веслом отпихнул «Казанку» от берега.

– К школе целая делегация заявила. На двух машинах – новой «Волге» и красной «Мицубиси». Нас ребята вызвали. Перемена началась. Дамочка модная, духами от нее... Сказала, что она наша мать. Фото своей квартиры и дачи показывала. Говорила, что богатая. Обещала, что будем как сыр в масле... Компьютеры обещала. Мне машину. Ну, чего рассказывать? Васька с ней укатил. Вот и все., – Понятно, – тихо сказал Алексей и дернул шнурок двигателя. – Я же говорил, что красная машинка по мою душу... – Но Алексея заглушил движок. С реки их домик казался игрушечным кубиком. Крыша тонула в розовом тумане цветущих яблонь. Тихая Волга ясно отражала берег вместе с садом и домом.

На причале стоял Стенька и надрывно гавкал в сторону лодки. Шура глядела на берег и ничего не видела. Потом вскрикнула, плечи затряслись. Она плакала, а глаза оставались сухими.

– Не надо, ма! – сказал Антон и положил Шуре на плечо свою огромную пятерню.

Иван Вячеславович вел переговоры уже третий час. Римма, секретарша Аксенова, устала приносить кофе и убирать пустые чашки. От «Ротманса» сушило рот. Длинными и тонкими окурками Аксенов заполнил вторую пепельницу. Все параграфы контракта прошли легко. Замкнуло на выборе банка. Брюхатый, с вислыми плечами, смахивающий на перезрелую грушу, Тихон Федорович Харин уперся:

– Кроме Кости никому не верю! Если Костя начнет крутить, я знаю, как его достать.

В случае чего яйца оторву! – гремел бывший генерал, вливая в глотку очередной стакан минеральной.

– А я привык работать со Смолянским, а Твоего Костю знать не знаю, – настаивал Аксенов. Харин держался на своем. Иван Вячеславович Аксенов нервничал и поглядывал на часы. Стрелки «Ролекса» двигались к шести вечера. В семь соберутся гости. В закрытом для простых смертных ресторане «Лава», что на новом Арбате, свадьба дочери. Опаздывать Аксенов не хотел. Еще надо заехать домой на Фрунзенскую набережную переодеться, побриться, привести себя в должный вид. Лена звонила уже несколько раз. Жена сидит как на иголках.

– А мне Смолянский, как прыщ на жопе! – огрызнулся Харин. – Попробуй там прыщ отыскать – его и в зеркало не узрешь! Не картошку, танки продаем...

Тихий, тощий Кусейнов, все переговоры молча сосавший одну чашку кофе, вдруг встал, прошелся по кабинету, остановился у окна и, глядя на крышу соседнего особняка, изрек:

– Работать будем через Балтбанк. Другие варианты обсуждать нет смысла.

Мужчины за столом разинули рты. Помощник Аксенова Сеницын было поплыл в улыбке, да так и замер с растянутыми губами.

– Я что-то не понял? – сказал Аксенов.

Харин сперва потерял дар речи, потом побагровел лицом и рявкнул:

– Ты что, охренел?! – И, не дождавшись ответа, пустил такое витиеватое ругательство, что партнеры загоготали. Прыснул державший в растяжке рот Сеницын. Подхалимно захихикал советник, экономист Харина, очкастый Гурвич. Один Кусейнов продолжал молча любоваться видом из окна. Когда смешки стихли, Кусейнов повернулся к столу и без всякого выражения добавил:

– Господа, надеюсь, поняли? Только Балтбанк.

Приоткрылась дверь, и секретарша Римма просунула в щель свою челку:

– Иван Вячеславович, снова супруга звонит. Соединить? Елена Сергеевна волнуется.

– Скажи, выезжаю, – отмахнулся Аксенов. И виновато добавил, обращаясь к сидящим за столом:

– Дочь сегодня замуж выходит.

– Хрен с тобой, Аксенов. Раз у тебя такое дело, согласен на Смолянского. Прими мое согласие, как подарок к свадьбе! – рявкнул Харин.

Извлек из пиджака мятый платок и громко высморкался. Партнеры пожали друг другу руки.

Кусейнов никому руки не подал, а направился к двери:

– Об этом вы, господа, очень скоро пожалеете! – бросил он на ходу, покидая кабинет.

– Вот гнус! – хмыкнул Харин. – И откуда он взялся?

– Фирма Кусейнова страхует доставку, – ответил Аксенов.

– Страхует? – оскалился Харин. – От холода себя страхуя, купил доху я.

Римма внесла поднос с рюмками, бутерброды и бутылку коньяка. Мужчины выпили и подписали контракт. Харин понюхал бутерброд с икрой и вернул его на поднос.

– Фото дочки при себе? – спросил он у Аксенова, утирая рот мятым платком. Аксенов добыл из кармана бумажник и из-под пачки долларов извлек цветную карточку, фото пошло по рукам.

– У тебя их три! – Харин надел очки и изучал снимок. – Две, похоже, близняшки, а одна другая...

– Все близнецы. – Аксенов разлил коньяк. – Только две похожи, а третья нет...

– Кого сегодня отдаете? – вежливо поинтересовался Гурвич.

– Верочку. Вот эту, справа, – показал пальцем Аксенов.

– Как бы жених не запутался, – Харин покачал головой, – женишься на одной, проснешься с другой, – но, почувствовав бестактность шутки, замолчал.

Мужчины выпили по второй. Сказали Аксенову подходящие случаю слова и стали прощаться.

– Вопрос страховки остается открытым, – напомнил Аксенову Синицын.

– Нашли, о чем волноваться? – Харин аккуратно спрятал очки в футляр и вместе с мятым платком запихнул в карман. – Я Демину в зону позвоню. Он нам уголовничков десятка два командирует. Эти головорезы так тебя подстрахуют, только держись...

– Интересная мысль, – согласился Аксенов. – Только как быть с документами? Заключение без паспортов.

– А на кой ляд им документы? Они люди-невидимки. По документам отбывают срок, а в это время охраняют эшелон. Чего случись, их нет. Они в зоне. Понял?

Распрощавшись с Хариным и Гурвичем, Аксенов отпустил Синицына, убрал бумагу с контрактом в сейф и вышел. Поглядел на часы – двадцать минут седьмого. Бегом спустился по лестнице, махнул однорукому Митьке Батко, взятому на фирму в качестве сторожа. За афганца Митьку попросил Аксенова Мишин. С Пашей Мишиным они вместе служили в ГДР. Аксенов, не раздумывая, взял парня. Батко и с одной рукой стоил двоих рукастых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.